

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Паж цесаревны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634835

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

"Кругом было безлюдно и тихо. Только где-то слева всплескивалась темная вода Фонтанной речки, одной из многих, прорезавших молодую еще тогда столицу Санкт-Петербург... Там, за этой рекой, находился его домик... Поручик решил вырваться, рискуя жизнью, из рук предателей, добежать до своего дома и предупредить близких о случившемся".

Содержание

Часть I	4
Глава I	4
Глава II	9
Глава III	17
Глава IV	23
Глава V	29
Глава VI	34
Глава VII	43
Глава VIII	48
Глава IX	54
Глава X	62
Глава XI	72
Глава XII	75
Глава XIII	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Лидия Чарская

Паж цесаревны

Часть I

Глава I

«Слово и дело»

– Стой! Ни шагу дальше! – прозвучал громкий окрик в темноте сентябрьской ночи.

И трое людей, одетых во все черное, в нахлобученных на голову черных треуголках, выскочив из-за угла улицы, загродили дорогу одиноко шагавшему позднею ночью молодому офицеру.

Нападение было совершено столь внезапно, что офицер не успел даже выхватить шпагу. Трое неизвестных бросились к нему с двух сторон. Один крепко схватил его за грудь, двое других – за руки.

– Что вам от меня надо? И кто вы такие? – громко спросил офицер, пытаясь освободиться. В его голосе слышались негодование и гнев.

– Кто мы и зачем остановили тебя, ты узнаешь после, а

пока ни с места дальше! – был короткий, резкий ответ.

Трое неизвестных крепко держали молодого офицера, тщетно старавшегося вырваться из их крепких рук. Мрачные глаза незнакомцев сверкали на офицера далеко не дружелюбным огнем.

Однако офицер не растерялся. Неожидаанное появление незнакомых людей, очевидно, скорее изумило, нежели испугало его. При бледном сиянии месяца красивое, открытое лицо молодого человека поражало своим благородным спокойствием.

– Что же вам, однако, от меня нужно? – повторил он свой вопрос прежним, спокойным голосом.

Вместо ответа один из незнакомцев произнес повелительным голосом:

– Довольно разговаривать!.. Ступай за нами!

– Но, позвольте, однако! – уже значительно, в свою очередь повысив голос, произнес офицер, – тут кроется какое-то недоразумение. Вы принимаете меня, очевидно, за кого-то другого. Я – поручик гвардии Семеновского Ее Величества полка Юрий Долинский, возвращаюсь с товарищеской вечеринки и спешу домой...

– Вот именно тебя-то нам и надо, голубчик! – воскликнул один из закутанных плащом людей. – Да ты и сам это прекрасно знаешь и прикидываешься только непонимающим! Нас не проведешь!

– Да что тут долго разговаривать, – прибавил второй. –

Вот что: «слово и дело!» Мы арестуем тебя!

– Слово и дело! – повторили остальные.

Молодой гвардеец вздрогнул. Лицо его покрылось смертельной бледностью. Фраза «слово и дело», произнесенная незнакомцами, точно молотом ударила его по сердцу. И не без причины.

Молодой гвардеец хорошо знал, что выражение «слово и дело» в те тяжелые времена (это происходило в начале царствования императрицы Анны Иоанновны) имело совершенно особое значение. Раз к кому обращались с подобным выражением, это означало, что тот уличен, или, по крайней мере, заподозрен либо в тяжелом государственном преступлении, либо в каком-нибудь неодобрительном отзыве об императрице или ее правительстве, – и за это виновного ожидала пытка и смертная казнь. Знал также молодой гвардеец, что не только по всему Петербургу, но и по всей России сновали доносчики, усердно шпионившие за народом и доносившие о каждом неосторожно сказанном слове.

Нередко бывали случаи, что они оговаривали совершенно невинных людей просто из личной злобы или ради денежной награды, которую выдавала за каждый донос так называемая «тайная канцелярия» – гроза и ужас всего населения. Достаточно было доносчикам произнести роковое «слово и дело», чтобы людей тащить к допросу, на пытку, на казнь.

Поэтому, когда незнакомцы в плащах произнесли страшную фразу, молодой гвардеец тотчас же понял весь ужас сво-

его положения.

Он беспокойно оглянулся.

Кругом было тихо и безлюдно. Ни шелеста, ни звука... Только где-то поблизости плескали темные воды Фонтанной речки, одной из многих рек, перерезавших молодую еще тогда столицу Санкт-Петербург... Там, за этой рекой, пройдя темный переулок, находился его домик...

В голове молодого поручика блеснула мгновенная мысль: вырваться из рук предателей, добежать до своего дома, предупредить близких о случившемся, а может быть, если удастся, и скрыться совсем, спастись...

Да! Спастись во что бы то ни стало. Непременно спастись! Ведь у него жена, ребенок... Ему надо жить для них, нет: для России он должен жить, для дорогой родины, залитой слезами и кровью...

И с этой смелой мыслью юный офицер сильным ударом кулака свалил на землю одного из незнакомцев, все еще державшего его за грудь, оттолкнул другого, отбросил третьего и, размахивая добытой из ножен шпагой, со всех ног кинулся бежать.

Крики злобы и испуга и бешеные проклятия понеслись ему вдогонку.

– Держи! Лови преступника! – гремело следом за ним в осеннем ночном воздухе, и вскоре три пары ног гулко застучали о придорожные камни, устремляясь в погоню за беглецом. Но кругом было пусто и никто не прибежал на помощь

преследователям. Молодой офицер, между тем, не медлил. Он перескочил ров, перелез через плетень и бежал, бежал, не переводя дух, не останавливаясь ни на минуту, едва касаясь ногами земли.

Отчаяние придало ему силы, страх – скорость ногам. Его преследователи остались далеко позади и, наконец, потеряли его след. По крайней мере, их бешеные крики долетали теперь глуше до его болезненно-напряженного слуха.

Добежав до небольшого домика, в темном, пустынном переулке, молодой офицер из всей силы толкнул калитку, незаметно вделанную в заборе, и очутился на крошечном дворе. Затворив наскоро ворота плотным засовом, едва переводя дыхание, он вбежал на крыльцо.

Глава II

На вечную разлуку

– Какую ты мне сказочку расскажешь сегодня, матушка?

Этот вопрос был сделан маленьким шестилетним человечком сидевшей с ним рядом молодой, худенькой, красивой женщине.

Женщина эта казалась нездоровой. На бледном лице ее играли два предательских пятна румянца. Огромные глаза казались черными от усиленного блеска, игравшего в них.

Маленький человечек был очень похож на свою мать, только белые пухлые щечки его были покрыты здоровым, свежим румянцем, а темные глаза горели мягким, радостным, детским огоньком.

Молодая женщина любовно погладила кудрявую головенку сынишки и спросила ласково:

– Какую же сказку рассказать тебе, Андрюша?

– Ах, матушка, – радостно залепетал ребенок, – ту, старую, знаешь? Про красавицу царь-девицу, которую злые великаны-люди прогнали далеко, далеко с ее родины и не пускают вернуться в царский дворец ее отца...

– Да ведь ты уже знаешь эту сказку, мой миленький, – с улыбкою ответила молодая женщина.

– Ах, я ее рад слушать сто раз! – восторженно вскричал малютка, – и знаешь, мама, я так хорошо ее помню, что сто-

ит мне закрыть глаза, и я вижу милую, ласковую царь-девицу, и мне кажется, что она говорит мне: «Ах, как мне скучно, Андрюша, вдалеке от родимой стороны! Как мне хочется вернуться туда, а злые великаны меня не пускают!...» Как все это странно, матушка: сказка и вдруг точно взаправдашняя царь-девица является ко мне!

– Сказка-то эта – быль, мой милый, – печально проговорила молодая женщина. – Когда подрастешь немного, поймешь все, а пока слушай... Надо торопиться. Уже девятый час. Скоро вернется отец, будем ужинать, и мой мальчик пойдет бай-бай, на боковую...

– И опять увидит царь-девицу во сне, не правда ли, матушка? – радостно вскричал, сияя глазенками, Андрюша.

– Да, да, моя радость. А теперь слушай. Жил-был на свете ласковый и мудрый царь. Он страшно любил свое царство и старался сделать его могучей и сильной страной. Хотел он, чтобы на родине его были корабли и пушки, как и в других странах, и для этого отправлялся сам в чужие земли и под видом простого плотника изучал у иноземных мастеров как строить суда, как лить пушки. Чтобы расширить торговлю и сделать свою родину образованною страною, он завоевывал соседние страны, которые закрывали ему доступ в другие государства. Славное тогда было время для его страны. Когда мудрый царь умер, его жена, царица, продолжала дело своего покойного мужа. Но она недолго прожила после него и передала царство своему внуку...

– Которого звали Петром и который был маленький мальчик, вроде меня, – прервал мать Андрюша.

– Нет, он на целых шесть лет был старше тебя. Но и юный Петр недолго царствовал. После его смерти престол должен был перейти к красавице царь-девице, дочери мудрого царя, но злые люди...

– Великаны, матушка?

– Да, да, злые великаны не дали ей царствовать. И бедная царевна, дочь мудрого царя, ушла в дремучие леса, за широкие реки и, скрывшись в одном селе, зажила там с добрыми, полюбившими ее крестьянами...

Неожиданный стук в дверь внезапно прервал рассказ на полуслове.

– А вот и отец вернулся! – вскричала молодая женщина и, с легкостью девочки вскочив со стула, бросилась к дверям.

– Наконец-то, Юрий! – радостно произнесла она, устремляясь навстречу вошедшему мужчине, и вдруг с громким криком испуга отступила назад.

Лицо молодого офицера было смертельно бледно. Глаза тихо блуждали. Его гвардейский мундир был разорван в нескольких местах.

– Спасайся, Наташа! – произнес он глухим голосом. – Спасайся, пока не поздно, и спаси нашего сына!.. Меня арестуют агенты тайной канцелярии...

– Великий Боже! За что! Что ты сделал, Юрий? – смертельно бледная и, всплеснув руками, вскричала женщина.

– За что? И ты еще спрашиваешь? Да разве что-либо делается теперь по праву? Разве душегубы-немцы не придираются к каждому случаю, чтобы пить нашу русскую кровь?... Я сидел на вечеринке Буланина... Мы дружески разговаривали... Вспоминали лучшие времена, покойного государя, Великого Петра, матушку Екатерину и юного императора... Как ни тяжело было при последнем, а все же дышалось легче. Про царевну Елизавету говорили тоже... про ее друга Шубина... И я говорил... А там, вероятно, поблизости присутствовал один из шпионов обер-гофмейстера... На улице уже меня догнали... Хотели арестовать... Я бежал... предупредить тебя хотел, Наташа... Думал спастись, уйти вместе с вами... но нет, нельзя... все равно накроют... Вас подведут только... Вам бы лишь уйти... А то розыск, пытки... Тебя пытать будут... Не допущу этого, родная ты моя! Не допущу!

И молодой офицер в смертельном ужасе обхватил руками жену и сына.

– Нет, нет, милый! И я за тобою! На пытку, на розыск! На самую смерть! – пылко вскричала молодая женщина, бросившись на грудь мужа.

Она трепетала всем телом. Обильные слезы текли по ее лицу. Она прижалась к широкой, могучей груди Долинского и судорожно билась на ней.

Андрюша, видя эту сцену, с громким плачем бросился к родителям, не понимая, в чем дело, – о чем тоскует матушка и отец.

– Что будет с ним, если нас запытают, зачем обоих? – взволнованным голосом произнес Долинский. – Нет, нет! – добавил он твердо и, отстранив от себя жену, пристально заглянул ей в глаза и заговорил почти спокойно: – Ты слаба и нежна, Наташа. Я силен и крепок. Чего не сможешь вынести ты, болезненная и хрупкая женщина, то буду в состоянии вынести я. Кто знает, может, дело обойдется простым допросом. А ты... ты... ты возьмешь Андрюшу, голубка, и сейчас же выберешься отсюда, чтобы злодеи не нашли тебя здесь... С первой же возможностью ты уедешь из Петербурга в Москву... Оттуда в слободу Покровскую. В Покровской слободе, при дворе цесаревны, живет наш друг Шубин, Андрюшин крестный. К нему-то и обратись за помощью. Пусть упросит, умолит царевну о ее высоком покровительстве Андрюше и тебе... Живите там с Богом... а как услышите, что выпустили меня, приезжайте немедленно назад... А теперь... собирайся, во имя Бога, Наташа, пока не поздно... Нельзя терять ни минуты... Ради сына ты должна беречь себя, должна скрыться... Ведь злодеи не ограничатся одним моим арестом. Они притянут к розыску и тебя!.. Торопи...

Долинский не кончил. Громкий удар в ворота прервал его речь. Наталья Дмитриевна громко вскрикнула и повисла на шее мужа. Андрюша с плачем бросился к отцу.

Так длилась секунда, другая... Потом молодая женщина разом отпрянула от любимого человека. Смертельно бледное лицо ее приняло выражение решимости. Глаза вспыхну-

ли недобрым огнем.

– Слушай, Юрий, жизнь моя! – произнесла она звенящим голосом, – если нам суждено увидеться, я буду самой счастливой женщиной в мире, но если... если, не дай Бог, случится что-либо, наш сын, наш Андрюша вырастет таким же честным и благородным человеком, как и его отец! Клянусь тебе в том!..

И, осенив широким крестным знаменем мужа, она поцеловала его долгим прощальным поцелуем, потом кинулась во внутренние комнаты и, стараясь не производить шума и не будить прислуги, быстро отыскала нужное теплое платье себе и сыну.

В одну минуту Андрюша был одет, укутан, как в дальнюю дорогу. Его мать накинула на себя теплый платок и кофту, в которой было трудно узнать изящную, благородную жену гвардейца.

Надо было спешить. Каждое лишнее промедление несло гибель. Стук в ворота усиливался с каждой минутой. Слышно было, что стучало не двое и не трое людей, а целая толпа ломилась в крошечный дворик Долинских.

– Прощай, Наташа! Прощай, моя радость! Господь с тобою. Береги себя! – прошептал глубоко потрясенный молодой офицер. – Прощай, Андрюша, крошка мой, прощай! – продолжил он, высоко вскидывая на руки маленького человечка и прижимая его к своему сильно бьющемуся сердцу. – Слушайся мать и не забывай своего отца. Слышишь, мой Ан-

дрюша?

Мальчик только горько плакал, глядя на слезы матери и на печальное лицо отца. Но он мало понимал из того, что перед ним происходило. Ему только жутко было от таких странных стуков, которые, не умолкая теперь ни на мгновение, потрясали до основания их небольшой дом.

– Пора! Идем, Андрюша! – произнесла наконец его мать, бережно принимая мальчика из рук мужа, и быстрыми шагами направилась к двери. Эта дверь вела в задние сени, откуда был выход прямо в огромный пустырь, находящийся на окраине города.

– А как же батюшка? Разве он останется здесь? – спросил Андрюша, беспокойно оглядываясь назад.

– Да, милый, он должен остаться, – произнесла молодая женщина, едва удерживаясь на ногах от горя, – а мы с тобой пойдем к царь-девице, к юной царевне из маминой сказки...

И вдруг голос, произносивший эти слова, разом затих, оборвался. Наташа с воплем протянула руки назад. Лицо ее исказилось мукой.

– Юрий, Юрий! – прошептала она в смертельной тоске, – беги с нами, пока не поздно...

Долинский взглянул ей прямо в глаза. Печаль, мука и бесконечная любовь отразились в его взоре.

– Ради блага Андрея, иди! – произнес он, благословляя жену издали, и махнул рукою.

С громким рыданием схватила Наталья Дмитриевна на

руки сына и бросилась вон из горницы.

В тот же миг ворота, теснимые напором толпы, рухнули, и несколько человек с шумом ворвались во двор. Юрий ясно слышал теперь, как раздались шаги на лестнице, затем на крыльце, у самой двери... В то же время он чутко прислушивался к другим шагам, слабым, чуть слышным, доносившимся из сеней, шагам его Наташи. Вот, вот они тише... еще тише... Замерли совсем. Слава Богу, его жена и ребенок вне опасности! Тогда он медленно подошел к двери и ждал, все еще выгадывая время, когда и эта последняя преграда падет под руками его врагов. Ждать пришлось недолго.

Несколько сильных ударов, и дверь отскочила, сорванная с петель.

Долинский стоял перед нею со скрещенными на груди руками. В лице его не было страха. А между тем он знал, что за оказанное им сопротивление агентам «тайной канцелярии» он подлежал жестоким пыткам, может быть, смерти... Но он не хотел добивать этим известием свою Наташу и, как мог, успокоил ее.

– Берите меня. Я отдаюсь в ваши руки! – произнес молодой офицер, сделав несколько шагов вперед.

Знакомые ему три человека в черных треуголках с целой ватагой приспешников бросились к нему, повалили на пол и, связав по рукам и ногам, с бранью и проклятиями поволокли его с собою...

Глава III

Страничка прошлого

– Что мы делаем, россияне? Петра Великого погребаем? Скорбным, мучительным звуком пронесся под сводами храма голос новгородского архиерея и главы Синода, Феофана Прокоповича.

И оратор-пастырь, готовившийся произнести надгробное слово, глухо зарыдал, как ребенок. Зарыдал за ним и весь православный народ. Вся Русь зарыдала.

А мудрый преобразователь России, неустрашимый вождь Великой Северной войны, создатель русского флота, творец начала русского просвещения и основатель северной столицы лежал в гробу. На престол воссела его жена, Екатерина.

Около двадцати лет перед тем, во время войны со шведами, при покорении ливонского, подвластного шведам, города Мариенбурга, русские взяли в плен семейство пастора Глюка и его молоденькую служанку Марту Скавронскую... А через небольшой промежуток времени эта Марта так сумела понравиться Петру, что он женился на ней и сделал ее императрицей. После смерти великого царя Екатерина продолжала управлять Россией по образцу своего великого мужа. Но недолго царствовала императрица. Жестокая горячка унесла ее в 1727 году. Судьба лишь двумя годами позволяет ей пережить своего великого супруга. Две дочери остаются

ся сиротами после матушки царицы. Одна из них, старшая, Анна, в год кончины государыни просватана за голштинского принца Фридриха-Карла, вторая, Елизавета, намечалась в невесты его двоюродному брату, принцу Карлу Ульриху, но молодой принц скончался почти одновременно с императрицей, и цесаревна Елизавета осталась в невестах вдовой.

Императрица Екатерина не успела назначить себе преемника.

Смерть ее вызвала вопрос – кому быть царем? Мужского потомства у императрицы не было. Правда, в Петербурге жил внук царя Петра от первой его жены, Евдокии Лопухиной, сын царевича Алексея Петровича, лишенного еще при жизни Петра престола. Этот внук, Петр Алексеевич, как прямой потомок Петра, мог бы сделаться царем, но Петруша слишком еще мал, чтобы управлять государством. Ему 12 лет только. Он должен еще учиться, чтобы пойти по следам своего могучего дедушки. А между тем юный Петр учиться не любил. Да и править государством он вряд ли полюбит когда-нибудь. Он ленив, бессилён от природы и любит только охоту, праздники и развлечения. Все государственные дела за него решает тайный совет во главе с Меншиковым, этим знаменитым сподвижником покойного царя. Дочь Меншикова назначена еще при жизни Екатерины в невесты юному Петру. Но юный царь ее не любит, не любит и знаменитого Данилыча, и в один прекрасный день Меншиков с семьею лишен всех чинов, орденов и казны и сослан в Березов. Те-

перь уже никто не мешает развлекаться юному императору. Меньшиков в Березове, граф Остерман, воспитатель Петруши, не решается перечить своему воспитаннику, а тут новые друзья подросли, князья Долгорукие, которые не докучают ему ученьем, как этот несносный Меньшиков, а напротив, всячески стараются увеселять и развлекать его. Особенно старается угодить ему молодой князь Иван. И невеста у него есть, княжна Долгорукая, сестра друга сердешного Вани Долгорукого, но ее не любит юный император. Он одну только девушку любит, красавицу собой: родную тетку, цесаревну Елизавету. Но она не отвечает ему. Ведь он ее племянник, маленький мальчик перед нею, восемнадцатилетней красавицей. Охоты, празднества, бессонно проведенные на пирах ночи незаметно подточили здоровье отрока-царя. А тут еще оспа привязалась, и изнеженный, избалованный, не созданный для роли правителя Петр умирает четырнадцати лет от роду. Теперь все глаза народа направлены на одну преемницу, законную, полноправную царицу. Дочь Великого Петра, Елизавета, и никто больше, должна взойти на престол после смерти юного императора. Так думает народ и гвардия, созданная, выросшая от руки отца этой русской царь-девицы. Но вельможи и генералитет думают иначе. Если цесаревна Елизавета займет престол родителя – она займет его по праву, и никто из сановников не посмеет пикнуть при ней. Не лучше ли им возвести на престол такое лицо, которому и во сне этого не снилось? Тогда, на радостях, лицо это согласит-

ся на их условия и отдаст всю правительственную власть в их руки, а само будет довольствоваться одним почетным императорским титулом. И думают властолюбивые вельможи, кого бы им из дальних родственников Петра возвести на престол.

У Петра I был брат, слабоумный царь Иван, сидевший с ним вместе в дни отрочества на престоле. Царя Ивана женили на девице Прасковье Федоровне Салтыковой. От брака этого было три дочери: Екатерина, Анна и Прасковья. Уже много лет спустя по смерти брата Петр выдал двух старших царевен замуж. Старшую Екатерину за Мекленбургского герцога Карла-Леопольда, вторую, Анну, за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма. Брак обеих царевен был несчастлив. Екатерине не повезло в замужестве по причине дурного, буйного нрава ее супруга, и она уехала вскоре от него со своей крошкой дочерью в Россию, к матери, царице Прасковье, и жила у нее, пока царица не скончалась. Молодая же герцогиня курляндская, Анна, овдовела через два месяца после свадьбы, по дороге в Митаву, столицу Курляндии.

Вот эту-то вдовствующую Анну Иоанновну и решено было призвать на русский престол, обойдя законную наследницу ее, двоюродную сестру Елизавету.

Так как сторонниками призвания курляндской герцогини явились почти все знатнейшие того времени сановники, то приверженцы Елизаветы не решились громко высказываться за юную дочь Петра. Точно так же умолкли и вельможи,

намеревавшиеся посадить на престол обрученную невесту покойного юноши-императора, Екатерину Долгорукую, хотя сначала они ссылались на завещание юного царя, которым назначалась она в государыни.

Когда вопрос о призвании Анны Иоанновны был решен, четыре сановника – Головин, Голицын, Ягужинский и Остерман – составили условие, которым ограничивались права новой государыни, и она обязывалась во всех важнейших решениях подчиняться совету сановников, и послали это условие для подписи герцогине. Анна подписала условие, но, приехав в Россию, от исполнения его отказалась и провозгласила себя самодержавной императрицей.

Сановники ошиблись. Курляндская герцогиня обошла их. Она лишила их власти правления. Более того: между ними и императрицей встал по ее воле человек, взявший в свои руки судьбу России. Она привезла его из Курляндии, назначила его гофмейстером и обер-камергером, выхлопотала ему титул графа римской империи, поставила выше сенаторов и, наконец, возвела в звание курляндского герцога. Подчиняясь всецело воле этого человека, Анна Иоанновна дала ему широкое право карать всех, кого он считал своими врагами и недругами, и распоряжаться на правах правителя государства.

Этот человек происходил из семьи простого служителя-конюха бывших курляндских герцогов, но частью своими способностями, частью разными происками сумел стать

первым советником, правой рукой курляндской герцогини, а затем всероссийской императрицы.

Звали этого человека Иоганн Эрнест Бирон.

Глава IV

Достойная семейка.

Царская любимица

– Ваше сиятельство, извольте повторить последнюю стра-
ницу?

– М-м-м!

– Ваше сиятельство!

– М-м-м!

– Его сиятельство граф приказал мне строго следить за вашими успехами. Вы забываете, что его сиятельство, граф, предназначает вам высокую долю. Со временем вы будете генералом, командиром...

– Фельдмаршалом! – выпаливает до сих пор упорно молчавший во все время урока маленький восьмилетний граф Петр Бирон.

– Врешь, фельдмаршалом буду я... Папахен¹ мне сказал это! – кричит его брат, хорошенький, изнеженный, как девочка, длиннокудрый малютка Карл.

– Ну, так я буду генералиссимус,² – надменно сверкая глазами, перекрикивает старший.

– Врешь ты! Я генералиссимус, я фельдмаршал, я ви-

¹ Отец.

² Главный начальник всех войск.

це-канцлер! – вопит малолетний Карлуша, и слезы злобы и обиды брызгают из его глаз.

– Ты дурак! Не вице-канцлер, а просто дурак! – бросает ему в лицо разозлившийся Петр.

– Ты сам дурак! – надрывается Карл. – Я скажу государыне и она тебя... она тебя арестует... да, арестует!

– Ах, ты, дрянной мальчишка!

И старший брат хватает за длинные кудрявые волосы Карла и изо всей силы притягивает его к полу.

Немец-учитель в ужасе. Он мечется из угла в угол и лепечет в тоске:

– Ваше сиятельство! Ради Бога! Вы старший! Умоляю вас, граф Петр, остановитесь!

Но граф Петр и не думает останавливаться.

– Вот тебе фельдмаршал! Вот тебе вице-канцлер! Вот тебе генералиссимус! – повторяет рассвирепевший мальчик, награждая младшего графчика увесистыми шлепками.

Но вдруг он дико вскрикивает и оглашает комнату оглушительным ревом. Маленький Карлуша изловчился и изо всей силы укусил за палец старшего брата. Из руки Петра брызнула алая струйка крови.

– Ах, Боже, что за дети! Они убьют друг друга! – с ужасом возводя очи к небу, произнес учитель, сознавая свое полное бессилие помочь чем-либо.

Вдруг совсем неожиданно раздается тоненький голосок:

– Очень хорошо! Так ему и надо, Карлуша! Молодец, Кар-

луша! Вот так удружил!

Тяжелая портьера раздвинулась, и крошечная девочка появляется на пороге комнаты.

Девочка кажется совсем маленькой, несмотря на то, что по лицу она не моложе своего восьмилетнего брата. Но большой горб за спиною мешает развиваться ее росту и делает безобразной маленькую графиню Гедвигу Бирон. Ее некрасивое, старообразное личико с ненавистью и злорадством обращено к братьям, черные, умные глазенки горят недоброю улыбкою. Эти глазенки да великолепные, на редкость густые черные кудри, которыми не может не гордиться бедная горбуня, составляют единственное ее достоинство и красоту.

Она ненавидит обоих братьев, потому что они всегда обижают и дразнят ее. Она рада, что Карл укусил Петю. Петр важничает не в меру и заносится перед ней. Поделом ему. Будет долго помнить, что значит задирать других! И она желчно и злобно смеется, делая гримасы Петру.

– У-у! Противная уродка! Опять пожаловала к нам. Ну, погоди же ты!

И старший граф, забыв в одну минуту свой укушенный палец, налетает на горбуню с поднятыми кулаками. Карл следует его примеру.

Плохо бы пришлось Гедвиге, если бы в эту самую минуту снова не приподнялась тяжелая портьера и на пороге не появилась бы высокая, полная, смуглая дама, одетая в нарядный светло-голубой просторный халат.

Она медленно, величественною походкою вошла в комнату и остановилась, с изумлением глядя на поссорившихся детей.

При виде этой дамы оба мальчика мгновенно скрылись из комнаты. Учитель-немец поспешил за ними.

Маленькая графиня Гедвига горько плакала в своем углу, не замечая вошедшей. Высокая дама быстрым взором окинула комнату, неодобрительно покачала головою и с легкой улыбкой на смуглом лице подошла к плачущей девочке.

– Они обидели тебя опять, моя малютка? – спросила она тихо.

При первых же звуках этого несколько грубоватого, скорее мужского голоса слезы девочки разом иссякли. Она подняла на вошедшую просиявшее личико и прошептала чуть слышно:

– Меня никто, никто не любит, танте.³

Смуглая женщина нежно притянула ее к себе, вытерла своим платком залитое слезами личико и шепнула на ухо ребенку:

– А про танте Анхен забыла, злая Гедя! Разве танте Анхен тоже не любит своей маленькой графинюшки? – и она легонько пощекотала шейку ребенка.

Девочка молча улыбалась и стала ласкаться к своей заступнице, как кошечка.

А та в свою очередь забавлялась малюткой, играя ее пре-

³ Тетя.

красными, пышными, черными кудрями, перебирая крупный жемчуг на тоненькой шейке маленькой горбуни.

Они были счастливы каждая по-своему: смуглая высокая женщина забыла свои заботы, маленькая Гедвига – свое горе.

Маленькая Гедвига думала, лежа на коленях своего большого друга: «Никто, никто не любит ее; ни отец, ни матушка, ни братья. Для всех она гадкая уродка, отвратительная горбуня. Одна тетя Анна любит. Тетя Анна никогда не бранит и не ругает ни за что, а всегда ласкает ее, бедненькую шестилетнюю Гедвигу, кормит лакомствами, задаривает подарками, и за это она, Гедвига, больше всего в мире любит добрую тетю».

И девочка украдкой целует большую смуглую руку, гладившую ее по голове.

В тот же миг быстрые шаги за дверью заставляют вздрогнуть обеих.

Гедвига вскакивает и настораживается, как заяц, готовый улизнуть каждую минуту.

Дверь широко распахивается, и плотная, коренастая фигура нарядно одетого в придворный костюм сановника появляется перед ними.

Это обер-гофмейстер русской императрицы, всемогущий Бирон.

– Ваше величество! – говорит он по-немецки с низким поклоном, почтительно останавливается в двух шагах от смуглой высокой женщины, – не знаю, как выразить мою благо-

дарность. Вы не брезгуете, всемилостивая государыня, посещать уголок своего верного раба.

И он с благоговением приложился губами к протянутой ему милостиво руке императрицы.

Потом взгляд его, случайно скользнув по комнате, заметил Гедвигу.

– Марш отсюда! И не смей выходить без спроса из твоих апартаментов. Слышишь ты меня, гадкая горбунья?

Гедвига метнула испуганным взглядом на отца и в один миг исчезла из комнаты. Светлое настроение, навеянное ей доброй императрицей, разом исчезло. Она снова чувствовала себя одинокой и обиженной, бедная, обездоленная девочка.

Глава V

Неприятный доклад. Царское решение

– Зачем, граф, вы обидели дочку? – с укором спросила императрица, как только горбатенькая фигура Гедвиги скрылась за дверью.

Анна Иоанновна любила девочку, ласкала ее, забавлялась ею. Умненькая, смышленная горбуня интересовала ее. Она позволила маленькой графине называть себя попросту «тан-те Анхен» и приходить к ней без доклада во всякое время.

Оставшись бездетной после смерти мужа-герцога и любя всем своим существом детей, императрица страстно привязалась к маленьким Биронам. Она не замечала их недостатков и всячески баловала их. К обиженной Богом Гедвиге сердце Анны Иоанновны лежало больше, нежели к ее братьям. И теперь ей было досадно за своего любимца, незаслуженно оскорбившего нервную, впечатлительную девочку.

Но Бирон несколько не обратил внимания на впечатление, получившееся от его выходки. В его руках была важная бумага, с содержанием которой он спешил познакомить императрицу.

– Измена и предательство кишат вокруг вас, государыня, – хмуря свои черные брови, мрачно произнес он. – С каждым

днем люди мои доставляют все новых и новых изменников в тайную канцелярию, к генералу Ушакову.

– И, я думаю, много работы доставляют нашему Андрею Ивановичу? – усмехнулась Анна Иоанновна невеселой усмешкой.

Потом, помолчав немного, добавила:

– И когда ты только успокоишься, граф!.. Все-то тебе казни мерещатся да измены... Уж больно ты раздражителен стал, не в меру... Вам бы с Андреем Ивановичем только пытаться да жечь...

– Я, как верный слуга вашего величества, строго соблюдаю интересы моего нового отечества, – произнес, снова нахмурившись, Бирон, – я не виноват, что в России слишком мало верных слуг и что приходится уличать.

– Уволь, граф! – нахмурилась в свою очередь императрица, – опять, небось, показания мне принесли с розыска?.. Скучно все это, да и тяжело... Людей зря на дыбу поднимают, мучают, они сдуру брякнут что-либо, а вы уж и придрались.

– Не совсем зря, ваше величество, – едко произнес Бирон. – Недавний новый арест открывает мне глаза на многое. Арестован прапорщик Семеновского полка Долинский и еще кое-кто из участников товарищеской вечеринки, во время которой мои агенты накрыли их...

– Ну, сболтнули спьяна что-нибудь... – угрюмо перебила докладчика императрица.

– То-то и дело, что не спьяна и не сболтнули. Целый заго-

вор у них был задуман, ваше величество... Государыня, опасайтесь! Если вы не обратите на таких персон вашего внимания, спокойствию вашего величества угрожает беда.

– Какая беда? Что ты говоришь, граф? И от кого беда? – заволновалась Анна.

Ее любимец знал, чем можно повлиять на свою высокую покровительницу, и теперь остался очень доволен, что его слова, очевидно, произвели впечатление.

– Откуда же грозит мне беда, граф? – беспокойным тоном спросила еще раз Анна.

Бирон ничего не ответил. Быстрыми шагами подошел к окну, отбросил тяжелый занавес и величественным жестом указал прямо перед собою. За деревьями насаженного еще императором Петром Летнего сада, среди которого помещался Летний дворец, где жила Анна Иоанновна с семьей Бирона, раскинулся широкий Царицын Луг. На краю этого луга, совсем неподалеку от берега Невы, в то время возвышалось здание другого малого дворца. На этот дворец и указывала теперь красноречивым жестом рука Бирона.

– Из дворца цесаревны? – так и встрепенулась Анна Иоанновна. – Но ведь он необитаем. Царевна у себя в Покровском.

– То-то и худо! Не страшна нам, государыня, беда видимая, а страшна невидимая, – с многозначительной улыбкой произнес Бирон. – На офицерской пирушке произносилось имя цесаревны. Произносилось оно друзьями прапор-

щика Шубина, самого приближенного теперь лица к ее высочеству. Надеюсь, ваше величество, вы меня поняли, откуда грозит беда?

Да, Анна поняла своего верного слугу. Поняла ясно. Как бельмо на глазу, лежала на ее душе Елизавета. Она только что было успокоилась, зная, что цесаревна в отдалении от двора. А выходит, что так хуже. Вдалеке от столицы Елизавете легче строить козни и набирать себе приверженцев. И этот Шубин, о котором ей уже докладывали не раз! О, он умеет вербовать людей для своей цесаревны. Нет, положительно, надо поправить дело, пока не поздно.

Императрица встала, вытянулась во весь рост. Теперь она казалась огромной, величественной женщиной. Это уже была не прежняя ласковая «тетя Анхен», забавлявшаяся с маленькой Гедвигой. Теперь перед графом обер-гофмейстером стояла могущественная русская императрица.

– Допросить этого, как его... прапорщика и других... – произнесла она своим грубоватым голосом, – а в Покровское снарядить гонца и пригласить ко двору цесаревну. Случай прекрасный. Принцесса Христина переходит в лоно православной церкви, так ей, цесаревне, не грешно присутствовать при миропомазании племянницы. Так и вели отписать Елизавете...

– Слушаю-с, ваше величество! Все будет исполнено, – поклонился Бирон.

– А теперь в манеж. Выезжена та лошадь, что прислана

нам в дар от шаха персидского?

– Самолично выездил, государыня, – ответил Бирон.

– Спасибо, граф! – произнесла, улыбаясь, Анна Иоанновна, и лицо ее, омрачившееся было под впечатлением неприятного известия, теперь ожило, просияло.

Императрица любила верховую езду и предавалась ей с удовольствием. При одной мысли об ожидавшей ее любимой забаве она забыла все неприятности и снова стала довольной и веселой.

– А Левенвольде что пишет из Вены? – спрашивала она своего любимца по дороге в свои внутренние апартаменты, где ее ждала свита и фрейлины.

– Граф Левенвольде сообщает, что принц Брауншвейг-Бернский, которого ваше величество изволили наметить в женихи принцессе Христине, юноша вполне достойный для принцессы, и наш посол успешно ведет переговоры с его высокими родственниками. Надеюсь, принцесса останется довольна выбором жениха.

Говоря это, Бирон кривил душою. Маленькая принцесса, Дочь Екатерины Иоанновны, находившаяся с недавних пор при дворе ее тетки, императрицы Анны, составляла давний плод тайных мечтаний Бирона для его сына Петра, которого дерзкий курляндец задумал женить впоследствии на цесаревне. Но это была слишком дерзкая мысль и о ней пока следовало молчать до поры до времени. И смелый временщик, скрепя сердце, затаил эту мысль в себе.

Глава VI

В застенке

Позади Летнего сада или «огорода», где быстрая и узкая Фонтанка-река вытекает из величавой красавицы-Невы, стояло небольшое здание, со всех сторон окруженное забором.

Снаружи оно не представляло ничего особенного; здание как здание. Таких зданий много появилось со дня населения Петербурга Петром. Крепко сколоченные, они ютились там и тут, между огромными хороминами вельмож. Но зато внутри домик поражал своим необычайным видом. В домике была всего одна комната. Посреди этой комнаты был приделан к самому потолку какой-то огромный брус, который мог то подниматься, то спускаться. В стенах ввинчены были железные кольца, на скамьях лежали кнуты, плетки и большие связки веревок – орудия пытки. А под деревянным полом комнаты, в подвале, куда вела узкая лестница, были устроены тюрьмы и застенки.

Это был дом «тайной канцелярии».

Прямо перед окнами страшного учреждения, где по одному наговору бесчисленных агентов пытали и мучили людей, через весело журчащую, вечно хлопотливую Неву, на противоположном берегу ее, находилось огромное Самсониевское кладбище. Туда свозили тех, кому не суждено было вырваться из крепких оков тайной канцелярии.

Уже с первых лет царствования Анны Иоанновны началась обильная жатва на страшной кровавой ниве.

Мягкая и податливая на милость императрица отличалась подозрительностью и чрезвычайной доверчивостью к своему любимцу Бирону. А у Бирона было много врагов, которых ему необходимо было уничтожить. К тому же он довел до болезненности боязнь государыни потерять трон. Он всюду отыскивал измены, даже там, где их и в помине не было. Стоило произнести кому-либо на улице в простой болтовне имя Анны Иоанновны не с тем особенным уважением, которого требовали агенты тайной канцелярии, и ни в чем невинного по произнесении страшного «слово и дело» тотчас же тащили в тайную канцелярию. Там, под допросом на розыске, под страшными пытками люди невольно наговаривали на себя и на других в надежде избавиться от людских мук и страданий. Оговоренных приводили, допрашивали и нередко тащили на дыбу по указу генерал-прокурора Андрея Ивановича Ушакова, начальника этой страшной канцелярии. И несчастные или погибали под пыткой, или отпущались из застенка истерзанными навеки калеками, непригодными к жизни. Но чаще всего из тайной канцелярии свозили безжизненные трупы замученных жертв на Самсониевское кладбище...

В темном, узком помещении тайной канцелярии, похожем на погреб, с единственным крошечным крылечком, приходящимся в уровень с землею, за крепкою решеткой сидел

узник.

Это был Долинский. Его притащили из дома прямо сюда, в это ужасное помещение. Он сидит в нем уже давно.

Убийственно долгим кажется ему время. Маленькое окошечко едва-едва пропускает свет над его головою; около окошечка растут кусты, и от этого еще темнее в тюрьме несчастного.

Солнце всходило и скрывалось, и снова всходило, а он все сидит и сидит на одном месте. Кувшин с водою, и ломоть черного хлеба, поставленные подле него его тюремщиком, остались нетронутыми. Ему не до еды! Одна и та же мысль жжет его мозг: успели ли скрыться Наташа с сыном? А если успели, то как доберутся они до Покровского, как пройдут 600 верст, разделяющие Петербург с Москвою, подле которой находится вотчина цесаревны?.. Юрий Никитич с ужасом вспоминал о том, что его Наташа в волнении забыла взять денег, необходимых в дороге... Как они доберутся? Она такая слабенькая, худенькая! Она и раньше не отличалась здоровьем, а слухи о всяких розысках, да пытках, да гибели людей в недрах тайной канцелярии и совсем подточили ее слабое здоровье. Наташа с детства боготворит Россию; она помнит ее лучшие времена, и теперешнее тяжелое положение камнем лежит на ее впечатлительной душе... А тут еще взяли ее дорогого мужа. Страх за него, за сына доконает бедняжку... Долинский вздрогнул всем телом...

В ту же минуту за дверью зашумели. Кто-то вложил ключ

в замочную скважину:.. Дверь скрипнула и распахнулась. Свет ворвался на миг в темную каморку. Долинский зажмурился. Даже, так резок был переход к свету от темноты.

Двое служителей подошли к нему, грубо схватили за плечи и вытолкали за дверь в коридор, где находилась маленькая лесенка, которая вела куда-то вверх. Служители почти втоптали по ней узника, и через минуту-другую он очутился в описанной уже комнате тайной канцелярии, прямо перед лицом сидевшего за столом вельможи.

В дорогом камзоле, с лентой через плечо, в парике и белоснежном жабо, из которого выходило тончайшее кружево манишки, в шелковых чулках и туфлях с бриллиантовыми пряжками сидел страшный, с седыми усами и сизым носом генерал Ушаков.

Странно было видеть этого нарядно разодетого вельможу в далеко не чистоплотной обстановке пыточного отделения. Но «страшный» генерал Ушаков был сегодня здесь на перепутье. Он торопился на прием к императрице. На его обрюзгшем, морщинистом лице и в пронизательных ястребиных глазах, от которых ничто не могло укрыться, казалось, сквозило нетерпение. Он поминутно вынимал из кармана огромные золотые часы, в виде луковицы, бросал на них взор, сердито хмурился и, видимо, злился. Сидевший тут же, рядом, секретарь канцелярии старался не напоминать ничем о своем присутствии, чтобы не навлечь на себя гнев начальника.

Служители, приведшие Долинского, отошли к двери. К

ним присоединились два незаметно явившихся плечистых молодца в красных рубахах со зверскими лицами. Это были заплечные мастера, или попросту палачи. Юрий Никитич угадал их значение здесь, в этой комнате. Острый холодок колючими искрами пробежал по его телу. Он быстро отвернул голову от «красных» молодцев и нечаянно встретился взглядом с суровым взглядом страшного генерала.

– Ты прапорщик Долинский? – спросил тот.

– Я, ваше превосходительство, – отвечал Юрий Никитич.

– Ты был в гостях у сержанта Буланина три дня тому назад?

– Был, генерал.

– Ты говорил на этой вечеринке о некоем сержанте, ныне прапорщике Семеновского полка Алексее Шубине?

– Да, говорил, генерал, об Алексее Шубине, которого считаю своим младшим товарищем-другом. Будучи еще совсем молодым мальчиком, рядовым нашего полка, Алексей крестил у меня сына, потом бывал у нас. Мы его любили с женою...

– Так, так! Значит, и жена у тебя есть! Может, она будет поречистее. Пригласим ее к нам в гости! Авось, от нее больше узнаем, – произнес Ушаков, не взглянув даже на смертельно побледневшего при этих словах Долинского, вынул из кармана табакерку с изображенным на ней портретом императора Петра I и, взяв щепотку табаку, поднес ее к своему носу. Потом быстро вскинул глаза на Долинского и

произнес:

– Каким образом задумали вы через посредство Шубина доставить престол известной персоне, у которой состоит сей упомянутый Шубин в ездových?

Вопрос был неожидан и так непонятно дик для Юрия, что тот даже не смутился.

– В этих помыслах я не повинен, генерал! – произнес молодой человек, глядя в самые глаза «страшному» хозяину застенка.

– Ой, так ли? Подумай-ка, да припомни. Пораскинъ-ка мыслями, сударь. Чай, память не девичья...

– Охотно бы припомнил, если бы было что вспоминать, ваше превосходительство! – твердо отвечал Долинский.

– Так не вспомнишь? Нет?

– Нечего вспоминать, генерал.

– Ничего не говорил на вечеринке Буланина? Не говорил, чтобы отписать всем товарищам сообща сему Шубину о том, что все здесь у вас к цесаревне изрядно склонны, что де она природная русская царевна и немцев не терпит, а, стало быть, буде царствование ее волею судеб, то она всех немцев настоящими людьми заменит? Не говорил?

– О царевне говорил. Но писать о том Шубину не соби-рался, и о царствовании ее высочества цесаревны ни слова не было сказано промеж нас! – тем же твердым голосом отвечал Долинский.

– Ой, припомни, государь мой, не говорил ты разве?

– Нет.

– Не желал перемены в благополучном ныне царствовании?

– Нет.

– Припомни.

– Нечего вспоминать...

– А нечего – так я напому! – внезапно переходя из роли спокойного допросчика в грозного судью, вскричал Ушаков. – Эй, молодцы! Взять его!

Парни в красных рубахах кинулись к Долинскому. В одну минуту связали ему ноги, подтащили к блоку, протянули вдоль «дыбы» конец веревки, притягивающей руки к ногам несчастного таким образом, что при малейшем повороте блока спина его должна была изогнуться колесом, плечи подняться к самому темени, кости выйти из своих суставов. По этой изогнутой неестественно спине должен был пройти кнут палача.

Долинский слышал уже не раз об этом роде пытки, очень распространенном в то время в застенке тайной канцелярии. При одной мысли о предстоящих страданиях у него потемнело в глазах.

Между тем «молодцы» связанного быстро подтащили к «дыбе»... Вот его руки касаются уже скользкого, противного бруса пресловутой дыбы... Сколько следов крови прежних мучеников осталось на ее почерневшем дереве!.. Вот и ноги его коснулись блока... Веревка страшно натягивает члены...

– И сейчас не вспомнишь? – допытывался Ушаков.

– Я ничего не знаю! – произнес твердым голосом Долинский. – Я говорил о Шубине, как о товарище, удостоившемся почетной доли получить место при цесаревне, которую все мы любим и помним...

– И ничего больше?

– Ничего.

– Так, так!

Ушаков делает рукою знак палачам. Один из них подходит к блоку, чтобы привести его в движение.

Холодный пот выступает на лбу Долинского. Жилы натягиваются, как проволока, на его лбу... Веревка мучительно вытягивает грудь... Сейчас, сейчас усилится ужасная пытка... Его вскинут под самый потолок на брус и вывихнут все члены несчастного.

«Прощай, Наташа! И ты, сынишка милый, Андрюша, прощай! Слава Богу, если вы успеете скрыться!» – мысленно произнес несчастный и закрыл глаза; чтобы не видеть отвратительных лиц своих палачей.

– Раз!..

С визгом поднялся блок на ржавых петлях...

– Ваше превосходительство, ее величество государыня требует вас к себе... – послышался голос с порога.

Открыв глаза, Юрий увидел солдата-стражника, неожиданно появившегося в застенке.

– Спустить его и оставить до завтра! – прозвучал повели-

тельный приказ Ушакова.

И смертельно бледного, но все же спокойного Долинского опустили на пол.

– Советую одуматься, государь мой, и поразмыслить до завтрашнего допроса, – строгим голосом произнес ему уже с порога Ушаков. – Знай одно, что только откровенность и раскаяние спасут тебя от лютой смерти. Подумай о том, государь.

И вышел, дав знак служителям отвести обратно узника в тюрьму.

Глава VII

Черненькая и беленькая.

Тайны подземелья

– Брось возиться с этим скучным мячом, Юля! Что за охота, право! Пойди сюда. Я нашла чудесное место в книге. Слушай! Прекрасная Кунигунда обратилась к рыцарю со словами: «Сударь, вы сожгли мое сердце на пылающем огне Зевеса, вы пронзили его стрелами Амура, ваша храбрость, отвечающая храбрости одного разве Марса, окружила вас ореолом бессмертия...»

– Ха, ха, ха!.. Зевес... Марс... Бессмертие... Смешная ты право, Христя!.. В двенадцать лет зачитываешься глупыми романами, когда время не ушло еще, чтобы бегать, резвиться и играть!

И говоря это, хорошенькая, смуглая, черноволосая девочка с бойкими, живыми глазенками и вздернутым носиком подбежала к своей белокурой подруге, чинно сидевшей с книгой на коленях в Летнем саду.

– Да, вот и гласите Адеркас, и духовный отец не позволяют мне читать светские книги, говорят, мне надо хорошенько готовиться к переходу в новую веру, – произнесла скучающим голосом беленькая девочка. – Тетушка-государыня все время твердит о предстоящей мне высокой доле... Я долж-

на быть русской великой княжной и женою принца Брауншвейгского... Ах, Юля, Юля, зачем все это?

– Как зачем! Вот смешная ты девочка! Разве не сладко сознавать величие, глупенькое ты дитя?

И хорошенькая смуглянка со смехом Кинулась на грудь своей задумчивой подруги.

– Ах, не то, не то, Юля! Не хочу я ни высокого положения, ни славы... Тетя отдает меня замуж за принца Антона-Ульриха, чтобы потомству нашему передать престол... Тетушка не спрашивает даже, нравится ли мне принц Брауншвейгский. Вон Левенвольде прислал его портрет на днях. Ее величество показывала мне. Какой это рыцарь, Юля? Нос длинный, сам тощий, волоса, как у девочки, хоть косы плести. Настоящий индюшонок, право!

– А тебе рыцаря с лицом Марса хочется в мужья, Христина? – лукаво усмехнулась бойкая Юля.

– Ах, я и сама не знаю. Я не думаю совсем о замужестве... Мне бы хотелось жить в чудесном замке, бродить в подземельях, чтобы все было таинственно и жутко кругом, и слышно было бы про всякие ужасы и страсти, и чтобы самой быть в безопасности... Понимаешь?

– Вот потеха-то! – вскричала Юлия. – Ужасы! Страсти! Ишь, чего захотела! Да мало их что ли здесь, в России, этих самых ужасов, подумай только! Одна тайная канцелярия чего стоит... А знаешь? Мы, кстати сказать, совсем близко от одного из ее тайных отделений, – вдруг неожиданно таин-

ственно зашептала смуглянка, – сюда привозятся самые важные преступники на розыск... Мне говорил это маленький граф Бирон. Он все знает от лакеев. Он даже сказал мне, где потайная тюрьма находится. Хочешь, сведу?

При последних словах смуглянки бледное личико белокурой девочки вспыхнуло румянцем. Голубые глаза ее оживились.

– Ах, Юля! Как бы я хотела взглянуть на то место... Только взглянуть...

– Так идем же!

– А madame Адеркас? – с тревогой произнесла принцесса Христина.

– Madame Адеркас? Вот хватилась, гляди!

И тринадцатилетняя, не по летам разбитная маленькая баронесса Юлиана Мегден, ближайшая фрейлина и друг малолетней принцессы, показала пальцем на группу деревьев со скамейкой под ними. Сквозь значительно опавшую уже листву можно было видеть сладко дремавшую красивую даму средних лет, сидящую на скамейке.

Это была госпожа Адеркас, француженка, воспитательница принцессы.

– Видишь, она спит самым сладким сном! Не беспокойся, не скоро проснется... Идем же, бежим скорее, чтобы вернуться вовремя!

И, недолго думая, проказница Юля схватила за руку принцессу и кинулась бежать с нею по направлению небольшого

домика, стоявшего за дальними пристройками летнего дворца.

Девочки благополучно миновали самый дворец и его пристройки, не встретив в этот ранний час никого по пути. Вот и небольшое здание вроде сарая... Оно далеко отстоит от всех строений.

– Кажется, здесь! – шепотом произнесла Юлиана.

Христина только безмолвно стиснула руку сверстницы. Пыльное воображение восторженной девочки рисовало ей уже мрачные подземелья и страшные лица узников, заключенных в них.

Был двенадцатый час на исходе, час, когда караульные и сторожа обедали в своем помещении. Около серого домика бродил только один часовой, дремавший у калитки. Обе девочки прошмыгнули мимо него незамеченными и очутились в опрятном дворике, поросшем кустами лопуха и пожелтевшей травой.

– И совсем-то нет здесь ничего страшного: ни подземелья, ни узников! Точно простая изба для хозяйских надобностей, – произнесла разочарованным голосом принцесса Христина. – Вон и оконце проделано точь-в-точь как в кладовых и погребах для сушки плодов. Я уверена, что там груды яблок навалены.

– А вот я сейчас посмотрю, – вскричала бойкая, живая, как ртуть, Юлиана и, быстро присев на землю, наклонилась к окну.

Тихий стон раздался внизу глухо, чуть слышно. Обе девочки стремительно отскочили назад.

– Ради Бога, Христина! Там узник! – прошептала вся бледная Юлиана.

Глава VIII

Молоденькая спасительница.

Узник на свободе

Первою мыслью Юлианы было бежать. Всегда бойкая и смелая девочка теперь растерялась от неожиданности.

Зато Христина как бы преобразилась. Вся природная робость белокурой принцессы куда-то мигом исчезла. «Если, — рассуждала она, — там стонут — значит есть горе. А есть горе — надо помочь», — пронеслось в ее мозгу. Доброе сердце молоденькой принцессы не переносило чужого страдания. И сейчас, не отдавая себе отчета в том, что делает, она быстро наклонилась к окошку, приблизила свое побледневшее от волнения личико к отверстию и тут только заметила решетку, приделанную изнутри камеры к окну.

— Кто вы? И что надо сделать, чтобы вы не страдали? — произнес ее нежный голосок, обращенный в черную мглу подземелья.

В ту же минуту бледное, изможденное лицо узника появилось перед решеткой.

С удивлением смотрел Долинский на белокурое видение, представшее так неожиданно перед его глазами. Он силился вспомнить, где видел когда-то этого миловидного, голубоглазого ребенка.

– Принцесса Христина! Я узнал вашу светлость! – произнес он наконец почтительно, – но, Бога ради, как вы сюда попали?

– Ах, не во мне дело! – быстро заговорила принцесса. – Вы – офицер? Вы заключены по приказу Бирона? Да? Невинны? Да? У вас есть семья? Дети?.. Бедный, бедный! – роняла она слово за словом. – Почему вы так бледны? Вас пытали, конечно? О, Боже! – и белокурая девочка схватилась за голову.

– Успокойтесь, ваша светлость, – я еще не был подвергнут пыткам, – глухо произнес Юрий Никитич, – но сегодня... сегодня мне обещано отведать дыбы самым страшным генералом Ушаковым.

– За что? – вырвалось взволнованным, подавленным звуком из груди принцессы.

Долинский слабым, срывающимся голосом в нескольких словах рассказал все как было.

– Это дело Бирона! Этого жестокого Бирона! – прошептала в трепете Христина. – О, как я ненавижу его за все его злые дела!

– Тише! Ради Бога тише, Христина! И Юлиана схватила принцессу за руку.

– Или ты хочешь подвести этого несчастного под еще большие пытки? – прибавила она.

– О, Юля! Юля! – прошептала принцесса, – мы должны его спасти во что бы то ни стало.

– Это безумие! Что можем сделать мы, две слабые девоч-

ки? Сейчас сюда для розыска съедутся сановники – и все пропало!

Принцесса на мгновение поникла головою. Потом лицо ее приняло сосредоточенное выражение.

– Юля! Юля! – прошептала она, – как это ужасно! Я бес-
сильна помочь этому несчастному...

Но как ни тихо были сказаны эти слова, Долинский их услышал и отошел от крошечного оконца. Его лицо скрылось за решеткой. Он не хотел своим скорбным видом еще более увеличивать отчаяние бедных девочек. Вдруг Юлиана весело вскрикнула и захлопала в ладоши. Христина в ужасе зажала ей рот рукою.

– Безумная! Что ты делаешь! Там караульный! – вся трепеща, сказала она.

Но Юлиана в эту минуту все, казалось, забыла: и караульного, и опасность, и весь мир! Лицо ее так и сияло. Черные глаза лукаво блестели. Она протянула руку и указала на что-то подруге.

– Видишь? Видишь? Вот спасение! – лепетала она. Действительно, спасение было возможнее, нежели мог думать о том заключенный.

У наружной стены стоял большой ящик со старыми использованными гвоздями, пучками веревок и прочими принадлежностями хозяйства тайного пыточного отдела. Проницательный взгляд Юлианы заметил крошечную дверцу, чуть высунувшуюся из-за ящика своими ржавыми петлями.

Если отодвинуть ящик и открыть дверцу, то узник очутится на дворике «тайной» и оттуда может бежать... Лишь бы только дверь оказалась не запертой на замок, а то... все пропало.

Хорошенькая юная фрейлина всплеснула руками.

– Скорее, скорее! Помоги мне, Христя!

– Что ты хочешь делать, Юля? – прошептала та, и обычная робость заменила недавнюю решительность девочки. Она уже отчаялась в спасении узника.

– Молчи! Не время теперь! – прошептала юная Мегден, – делай то, что буду делать я! – повелительно присовокупила она.

И обе подруги в четыре руки принялись за работу. В один миг ящик был опорожнен от гвоздей и прочей ветоши.

Обливаясь потом, девочки неслышно делали свое дело.

Теперь, когда все содержимое ящика валялось в траве, он легко поддавался усилиям слабых рученок. Вот ящик сдвинут. Перед ними дверь или, вернее, дверца, величиною не более входа в собачью конуру.

Юлиана бросила быстрый взгляд на запор двери.

– Слава Богу! Замка нет, одна задвижка! Бог смилостивился над несчастным заключенным!

Христина в два прыжка очутилась у окна тюрьмы.

– Господин офицер, выходите, скорее, выходите! – прошептала она взволнованно, вперяя лихорадочно загоревшиеся глаза в темноту подземелья.

Бледное лицо узника снова показалось за решеткой.

– Благослови вас Бог, принцесса! – произнес Долинский, осеняя девочку крестным знамением.

В тот же момент щелкнула задвижка под быстрой рукой Юли, и торжествующая смуглянка распахнула дверцу.

– Выходите же! – прошептала она, радостно сияя глазами.

Лицо Юрия исчезло за решеткой и сейчас же появилось в крошечном пространстве дверцы, откуда Долинский вышел, согнувшись, и вслед за тем предстал взволнованный и потрясенный перед обеими подругами.

– Нет слов благодарить вас! – произнес он вздрагивающим голосом, – но имена ваши будут произноситься постоянно в моих горячих молитвах...

И он снова обратил признательный взор к Христине.

– Даст Бог, я еще послужу вам верой и правдой, ваша светлость! – произнес он тихо и с благоговением поцеловал протянутую ручку молодой принцессы. Потом горячо пожал руку ее фрейлины и, перепрыгнув высокий забор «тайного» двора, быстро зашагал по набережной, с трудом удерживая охватившее его безумное волнение.

Девочки снова старательно заперли роковую дверцу, придвинули к ней ящик, наполнили его гвоздями и рухлядью и незаметно выскользнули со двора.

Это было как раз вовремя, потому что по дороге к страшному дому ехала коляска с самым сиятельным Бироном, очевидно, пожелавшим лично присутствовать при розыске. За

коляскою Бирона, в другой коляске, скакал во всю прыть генерал Ушаков со своим помощником и Никитой Юрьевичем Трубецким, генерал-прокурором того времени.

Вот они направились к «тайному» домику.

– Ха, ха, ха, ха! – весело расхохоталась Юлиана, когда промчавшиеся мимо них экипажи скрылись за поворотом летнего дворца.

– Что ты? – удивилась Христина. – Чему ты смеешься?

– Нет! Нет, ты только вообрази, с каким длинным носом отъедет милейший граф Бирон, не найдя преступника на его месте! Ха, ха, ха, ха! Ах, как бы мне хотелось посмотреть на него хоть в щелочку!.. А генерал-прокурор?.. Ведь никому в голову не придет способ исчезновения. Ведь ключ хранится-то у самого страшного Ушакова! И солдат нельзя под ответ подвести! Все на месте. Я убеждена, что все припишут вмешательству злого духа и дьявольского наваждения! Ха, ха! ха! – с громким хохотом говорила Юлиана, но вдруг разом умолкла и притихла. В двух шагах от девочек очутилась рассерженная донельзя их таинственным исчезновением госпожа Адеркас.

Глава IX

Темною ночью – черным лесом

Черная непроходимая глушь со всех сторон, куда ни кинешь взор. Правда, лес поредел. Костлявая рука осени сорвала пышный зеленокудрый убор с кустов и деревьев, но деревья и кусты так плотно жмутся друг к другу, что делают затруднительным путь. А скрестившиеся ветки образуют чашу, в которой жутко и темно кажется даже в яркий летний полдень, а осенним октябрьским вечером и совсем страшно одинокому путнику, забредшему в эту глушь.

Лес спереди, лес сзади, лес со всех сторон...

Худенькая, маленькая, сгорбленная странница с котомкой за плечами одиноко бредет по лесной тропинке, опираясь на посох. С нею рядом шагает крошечная фигурка шестилетнего мальчика.

Станница эта – Наталья Дмитриевна Долинская. Крошечная фигурка, придерживающаяся за ее юбку, – Андрюша.

Вот уже более трех недель длится их путешествие. Ушли, когда еще было теплое и солнечное бабье лето, а теперь совсем осень на дворе установилась. Под самым Петербургом примкнули они к партии богомольцев, направлявшихся в Лавру под Троицу. Но вскоре пришлось отстать. Успеть за богомольцами слабой и болезненной Наталье Дмитриевне

было не под силу. К тому же она простудилась дорогой, приходилось заходить в крестьянские избы ночевать, чтобы не дрожать на ночном воздухе, а богомольцы торопились. И вот снова мать с сыном очутились одинокими путниками.

Наталья Дмитриевна изнемогала. Кашель, усталость, невыносимая боль в груди, а пуще всего страшная томительная неизвестность о дорогом человеке – все это подрывало силы молодой женщины. А тут еще крошка Андрюша не мог идти. Поневоле приходилось его нести на руках большую часть дороги. Кое-где им удавалось, правда, подрядить телегу, едущую обратно с ярмарки из какого-нибудь города. Возница, проникнутый сожалением к молодой богомолке (как называла себя Наталья Долинская) и ее крошечному сынишке, сажал их к себе и подвозил немного.

Малютка Андрюша еще мало понимал всю опасность подобного пути. Напротив, долгое путешествие развлекало и забавляло мальчика, а ночлеги в курных избах и бесконечная прогулка по лесу, где на каждом шагу попадались и грибы, и красные ягоды брусники, доставляли ему огромное удовольствие. Он даже об отце не часто спрашивал. Матушка сказала ему, что скоро вернутся они к нему в Питер и что идут они к ласковой царевне, которую мальчик не иначе представляет себе, как царь-девицей из маминой сказки. И любо ему было увидеть воочию сказочную царевну. «Она, наверное, прикажет освободить батюшку, – думает Андрюша, – и сделает его генералом. Она ведь царевна. Ах, вот славно бы было!» Луч-

шей доли, как быть генералом, Андрюша и не знает. Генерал все может. К самой царевне может прийти и все у нее попросить, чего душе угодно. Одно только странно Андрюше: почему матушка в платочке и няниной кофте одета и на ночлегах не иначе себя как дворовой женщиной господ Щекиных называет и говорит, что они идут на богомолье в Лавру. Какое же богомолье – когда они прямо к царь-девице идут?

А время идет, бежит. Проходят дни, недели. Наталья Дмитриевна уже последние деньги выложила за покупку на постоялом дворе молока да хлеба, крендельков да яблочек ее ненаглядному Андрюше. Встречные путники говорят, что Москва близко, но силы падают и падают у несчастной женщины не по дням, а по часам, кашель надрывает больную грудь. Вот и последняя остановка... Большая харчевня стоит на краю дороги, под самой Москвою. Один лес ее от сел подмосковных отделяет. Из окон харчевни приветливо мигают веселые огоньки.

Наталья Дмитриевна боится харчевен и постоялых дворов пуще всего. Там могут ее открыть шпионы Бирона, которых, наверное, он уже разослал за нею следом, чтобы, как и мужа, привлечь к допросу. Наталья Дмитриевна знает, что целые семьи притягиваются под розыски, даже чуть ли не малые дети. Но делать нечего. Бояться харчевни нельзя, – надо войти: Андрюша изнемог от усталости, да и у самой голову ломит, ноги чуть слушаются, да и глаза слипаются от дремоты. Не добраться, пожалуй, до другого жилья.

И, недолго колеблясь, Наталья Дмитриевна вошла в избу.

В харчевне былолюдно и шумно. Пятеро приезжих, по виду и одежде – купцы, играли в карты. Какой-то служивый человек, собрав вокруг себя слушателей, говорил что-то бойко и громко, размахивая руками. Он был в коротком кафтане и при оружии. Форменная треуголка была сдвинута на затылок.

Наталья Дмитриевна тихо переступила порог и перекрестилась в угол на икону, поклонилась хозяину, стоявшему за стойкой, и попросила его собрать им ужин.

– Далеко ли путь держишь, молодка? – обратился к ней тот, поставив перед Андрюшей и его матерью горшок со щами и положив большой каравай черного хлеба.

– Под Лавру на богомолье, родимый, – произнесла Долинская, подделываясь под тон русских крестьянок.

– А это сынишка твой, что ли?

– Сынок, родимый! – пододвигая еду к сонному Андрюше, отвечала она.

При виде жирных щей Андрюша проснулся, оживился и стал быстро уписывать вкусную, горячую похлебку.

Наталья Дмитриевна с жалостной грустью смотрела на сынишку. Самой ей не хотелось есть. Мучительная боль в груди, непрерывный кашель и головокружение отнимали всякую охоту от еды.

«Бедный мальчик! Несчастный мой крошечка! – скорбно думает бедная мать, не отрывая взгляда от лица ребенка, – не

к таким кушаньям привык ты, милый, не простые крестьянские щи и черный хлеб доводилось есть тебе раньше...» И она глубоко, тяжело вздохнула.

Между тем усталость начала брать свое. Глаза ее стали слипаться, голова отяжелела и, взяв на руки Андрюшу, молодая женщина задремала, сидя на лавке.

Но сон недолго сковывал веки Натальи Дмитриевны: горе, боязнь за участь мужа, страх перед будущим не давали ей продолжительного сна. К тому же зычный голос рассказчика не позволял забыться. Человек в треуголке продолжал рассказывать собравшимся вокруг него слушателям, не стесняясь ничем, как дома.

– И вот, государи мои, тут и пошла потеха. Мы его, это значит, хватъ, а он тягу. Мы за ним, а он от нас. Он через тын – мы тоже. Он через ров – мы тоже. Он скорым маршем к себе. Мы народ собрали, кого можно. Дело ночное, знамо, да и что понапрасну шуметь. Взломали ворота, взломали двери, вошли к нему, а он, голубчик, тут как тут. Крутите-бегите, мол, предаюсь вам. Ну, и скрутили его, голубчика, как зайца, и потащили в тайную канцелярию на допрос. А там – понятно что: милости просим, кнут да тиски никогда не устают работать!

И рассказчик грубо расхохотался, очень довольный своею шуткой.

При его словах остатки тяжелой дремоты выскочили из головы Долинской.

Она широко раскрыла глаза и загоревшимся взглядом впиалась в лицо рассказчика.

– Ну, а дальше что? – задетые за живое интересным повествованием служивого, пристали к нему любопытные слушатели.

Тот, не торопясь, вынул кисет с табаком, набил трубочку, зажег ее у лучины и заговорил снова:

– Ну, посидел это он, сударики мои, день, другой, третий, и вздернули его на дыбу. Все по порядку. Значит, чин-чином. Да только, братики, дыбы он, значит, не вынес. Упокоился. Отнесли его в подземелье пока что, до времени. А на другое утро как пришли за телом, чтобы на Самсониевское тащить, глядь, а тела-то и нет. Исчез прапорщик-покойничек, точно сквозь землю провалился... Мне об этом мой кум рассказывал, а он у генерала Ушакова в камердинерах служит. Так все они диву, говорит, дивились и чуду случай этот приписали...

Наталья Дмитриевна жадно ловила каждое слово рассказчика. Сердце ее подсказывало, что дело касается такого же несчастного узника, как и ее Юрий, такого же невинного страдальца.

Она вскочила со своего места и, как была с Андрюшей на руках, приблизилась к рассказчику, не будучи в силах удержать своего волнения.

– Что это, молодка, на тебе лица нет? – невольно обратив внимание на ее волнение, спросил последний.

– Уж очень заинтересовали, сударь, – произнесла Долин-

ская взволнованным голосом. — Больно занятен ваш рассказ... А как звали того несчастного, позвольте вас спросить? — еще более дрожащим голосом спросила она.

— Ого! Ишь струхнула, молодка! Небось, думаешь, свата, кумонька или ближнего какого родича твоего на дыбе погладдили. Нет, мать моя, не тебе, мужичке, чета был тот прапорщик покойный. Был он офицером гвардейского Семеновского полка. Звали его Егором Долинским, — не без важности произнес рассказчик.

Дикий, пронзительный крик потряс стены харчевни. Наталья Дмитриевна пошатнулась, схватилась за голову и с перекошенным от ужаса лицом со страшным воплем бросилась к дверям, не выпуская из рук Андриюши.

— Держи! Держи ее! Хватай, братцы! Лови! Недаром она это... На розыск ее!.. Родня она, знать, тому прапорщику... Одного поля ягода! — кричал служивый, мечась и бегая по харчевне.

Несколько человек бросились следом за беглянкой. Но в темноте ночи трудно было заметить бегущую. К тому же Долинская неслась стрелою, не чуя ног под собою. Безумное отчаяние, смертельный ужас гнали ее вперед и вперед, придавая нечеловеческую скорость ее бегу. Андриюша, обвинив ручонками шею матери, едва мог удержаться на ее груди. Он громко кричал и плакал, не понимая, отчего так стремительно бежит его матушка и кто может гнаться за ними.

Да и сама Долинская вряд ли сознавала, куда и зачем

несется она в темноте ночи. Одна мысль жжет ее голову, томит мозг, наполняет безумным отчаянием потрясенную душу.

– Юрий умер... Юрия нет... Юрий не вынес мучений и погиб на дыбе...

Все остальное отходило от нее. Сама жизнь замерла в ней и клочкотала лишь в одном орошенном кровью сердце. Она не слышала ни плача, ни криков Андрюши, ни его детской жалобы.

– Остановись! Куда ты бежишь, матушка? Мне страшно, страшно! Матушка, остановись! – рыдал насмерть перепуганный мальчик.

А Долинская все бежит и бежит без передышки.

Харчевня осталась далеко за нею позади... Дорога становится глуше, чернее... По бокам, как привидения, вырастают деревья, протягивая к ним корявые сучья... Они в лесу... Долинская бежит по лесу, но уже не так скоро, как прежде... Она задыхается... Сердце перестает биться... Звон наполняет уши... Голова кружится... Что-то быстрой волной подкапывает к горлу, и с громким стоном молодая женщина падает на траву.

Глава X

Чудесный охотник. Неожиданная встреча. Сказка-быль начинается

– Ату! Ату его! – громким, веселым криком несется по лесу.

Старый лес дрогнул и оживился. Редкое октябрьское солнышко бросает сквозь обнаженные от листвы верхушки деревьев свою меланхолическую осеннюю улыбку. Высокие липы, стройные, гибкие белоствольные березки и кусты дикого орешника протягивают к нему свои оголенные ветви... Любо им нежиться в это на диво выпавшее октябрьское утро. Золотое солнышко – редкий гость в осыпавшемся осеннем лесу.

– Ату! Ату его! – несется по лесу.

Целая кавалькада всадников мчится в чаще, зеленые охотничьи кафтаны «верховых», опушенные мехом и расшитые позументами, ярким пятном выделяются среди темного фона оголившегося леса.

Веселые крики, свист арапника, твяканье гончих – все это сливается в один сплошной веселый гомон. Первая смена псов уже спущена. Она несется за небольшим живым клубочком, вынырнувшим из кустов и стрелой помчавшимся по лесной поляне. За гончими несутся охотники на своих быст-

рых конях.

Впереди всех, на прекрасной вороной лошади, какую трудно, пожалуй, найти в конюшнях самого султана Мароккского, несется юноша. Свежее, правильное лицо его пышет горячим румянцем. Синие, лучистые глаза сверкают, как звезды. Яркие, пурпуровые губы улыбаются счастливой, радостной улыбкой. Из-под лихо заломленной набекрень собольей шапки падают золотистые кудри, струясь волною по стройным юношеским плечам. Юноша так еще молод, что кажется мальчиком, ребенком.

На нем такой же кафтан, как и у остальных охотников, только много наряднее и богаче. Отороченный соболем, с драгоценными запонами по борту он подпоясан серебряным поясом, за который заткнут серебряный рог. На собольей шапочке – дорогой аграф из сапфира, дерзко спорящий в блеске с синими глазами юноши. На ногах широкие русские шаровары из тончайшего сукна и высокие сафьяновые сапожки.

Красавчик-юноша на своем черном, как уголь, арабском коне далеко опередил всех других охотников.

Впереди него только гончие да преследуемый ими зайчишка. Вот он белым снеговым комочком, протянув вдоль спины трусливые ушки, несется, почти не касаясь лапками земли, скосив и без того косые глазенки, наполненные ужасом смерти. Уйти бы от злых псов, укрыться...

Да нет, куда уж! Не спастись зайчишке!.. Вот он юркнул в

кусты. Гончие за ним... Дико вскрикнул зайчик предсмертным криком, похожим на плач ребенка. В ответ на этот крик послышался лай собак.

– Марс!.. Быстрый!.. Сюда! Апорт! – громко произнес красавчик-юноша, и его звонкий голос бархатистою волною пронесся по лесу. Но собаки, обыкновенно покорные своему господину, теперь и не думали повиноваться. Они лаяли и тявкали, возясь в кустах.

– Сюда, Марс, сюда, Быстрый! – еще раз крикнул юный охотник и чутко насторожился на минуту. Но собаки не хотят повиноваться. Тогда красавчик-охотник, с трудом удерживая в себе закипающую досаду и гнев, быстро соскочил с коня, подвел его к дереву, привязал к нежному стволу березки и шагнул по направлению того места, где раздавался лай собак.

– Марс, Быстрый! Сюда! Ко мне! Негодные! – крикнул он еще раз и быстрой рукою раздвинул кусты.

Посреди крошечной полянки лежал мертвый зайчишка с перекушенным горлом. Неподалеку от него, глухо тявкая, стояли гончие. Но не заяц, не гончие, а нечто иное, необычное, привлекло внимание юного охотника: под развесистой липой стоял маленький мальчик с темными кудрями и очаровательным личиком и смотрел во все глаза на охотника. Малютка произнес шепотом:

– Тише... Тише, дядя! Уйми твоих собак, дядя... Они своим лаем разбудят мою матушку... Она спит, дядя!.. По-

жалуйста, уйми твоих собак!

Неизъяснимая мольба стояла в прелестных, черных глазах ребенка.

Юный охотник с недоумением смотрел на малютку, так неожиданно появившегося в лесной глуши в ранний час октябрьского утра.

– Тубо, Марс, тубо, Быстрый! – грозно произнес юный охотник на собак, которые теперь при властном окрике их господина стали мирно обнюхивать мальчика.

– Кто ты и откуда забрел сюда, прелестный ребенок? – произнес юноша, быстро приблизившись к маленькому человечку и кладя руку на его чернокудрую головку.

– Ах, дядя, мы с матушкой издалека пришли, – спокойно произнес ребенок. – Из самого Петербурга... То шли, то ехали, когда добрые люди соглашались нас подвезти за серебряные грошики, которые давала им матушка... А потом пришли в большую избу... В избе было много, много народа... Все громко кричали и смеялись. Так громко, что мне стало страшно. Потом один из них, самый важный, должно быть, сказал что-то матушке, отчего она вдруг закричала и побежала из большой избы прямо на дорогу и в лес!.. Это было еще страшнее, дядя... Я плакал и кричал, и просил остановиться. А матушка и слышать не хотела! Все бежала и бежала, пока не упала на траву... И я упал вместе с нею, только не стукнулся, потому что попал в мох... Потом я уснул... и она уснула... Хочешь, я сведу тебя к ней? Она здесь недалеко и

все еще спит, а я пробудился, только не стал будить матушку. Она так утомилась, бедненькая, за дорогу... Мы очень долго шли... Пусть отдохнет, думаю, хорошенько.

— Куда же вы шли, малютка? — спросил заботливо юноша, и взор его ласково остановился на чистых детских глазенках.

Личико мальчика вдруг разом приняло радостное выражение.

— Мы шли к царь-девице! — торжественным тоном произнес он. — Ах, ты ее не знаешь, дядя! Она живет далеко, далеко! Ее заточили в терем злые великаны и не пускают в родное царство ее отца... Ах, какая она ласковая и добрая! И как рвется к своему народу, и как любит его!.. В маминой сказке так говорится... И она такая красавица, что другой такой нет на свете... Глаза у нее — солнце. И как взглянет на кого-нибудь — так у того птички запоют в душе и так легко, легко станет...

Малютка даже разгорелся, рассказывая это. Ярким румянцем запылали нежные щечки, звездочками загорелись темные глазки.

Он был чудо хорош в это мгновение.

Юный охотник внимательно слушал его, не скрывая своего восхищения. В то же время назойливая мысль не переставала сверлить его мозг.

После недолгого раздумья он снова обратился к малютке:

— Ты очень любишь царь-девицу, крошка? Кстати, как тебя зовут?

– Меня зовут Андрюша. А царь-девицу я люблю больше всего в мире после матушки и отца!.. Ведь это в сказке она царь-девица только, а по-настоящему она царевна. Мой крестненький служит у нее. Она, бедненькая, обижена злыми людьми. Крестненький писал в письмах, что ей не легко живется.

Ей хочется скорее в родной город, где у нее верные слуги, которые не позволяют ее обижать...

– А как зовут твоего крестненького, Андрюша?

– Алексей Яковлевич. Он ближний человек царевны. Ты его не знаешь, дядя? Мы шли к нему тоже сказать, что ба-тюшку взяли злые люди и чтобы он заступился за него перед царь-девицей.

Что-то неуловимое, как луч зарницы, промелькнуло в светлых глазах юноши-охотника. Он сдвинул брови, отчего лицо его приняло скорбное и гневное выражение.

– Еще одна невинная жертва рук Бирона! – прошептал он чуть слышно и потом, снова обратясь к маленькому человечку, с ласковой улыбкой сказал:

– Ну, води меня к своей матушке, Андрюша. Мы разбудим ее, и я провожу вас к твоему крестненькому и к самой царевне!

– Проводишь, да? – радостно вырвалось из груди малютки, и в одно мгновение он кинулся на шею молодого охотника и звонко чмокнул его в румяные губы. – Ах, какой ты добрый, ласковый, дядя! Идем же, идем к матушке, разбу-

дим и порадуем ее!

И мальчонка быстро ухватил ручонкой полу щегольского кафтана юноши и потащил его за собою в кусты.

Под ветвями дикого орешника, разметав руки, лежала Долинская. Ее лицо было смертельно бледно. Густая коса, выбившаяся из-под платка, струилась волною вдоль тела. Глаза были сомкнуты. Рот полуоткрыт. Страдальческое выражение застыло в осунувшихся, измученных чертах спящей.

– Вот моя мама! Сейчас мы ее разбудим! – произнес шепотом Андрюша и быстро подошел к спавшей, нагнулся, взял ее руку и... с легким криком подался назад.

Рука Наташи была холодна, как мрамор.

Жизнь навсегда покинула измученное тело несчастной. Она была мертва...

Как раз в эту же минуту стук лошадиных копыт послышался поблизости, и несколько всадников выскочили на поляну.

Впереди ехали двое, одетые богаче и наряднее остальных. Черноусый мужчина не русского типа, средних лет, с довольным, веселым лицом, с искрящимся юмором и веселым взглядом живых, проницательных черных глаз, и молодой красавец-прапорщик, с честным, открытым и смелым лицом.

Черноглазый мужчина соскочил с коня, приблизился к странной группе и, обращаясь к юноше-охотнику, произнес почтительно:

– Ваше Высочество изволили опередить нас... Ваше Высочество соединяет в себе стремительность Дианы с ловкостью и быстротою Ахилла... Но что сие значит – этот малютка подле Вашего Высочества? – спросил он, глядя с недоумением то на труп женщины, лежащей на земле, то на маленького мальчика, уцепившегося за руку юноши-охотника.

– Мой верный Лесток, сам Бог посылает вас ко мне на помощь, и вас, ребята! – крикнул юноша-охотник. – Таврило Извольский, – вызвал он затем из толпы рыжего охотника-стремянного, – позаботься об этой покойнице. Тебе поручаю ее. Сделайте носилки и доставьте ее в слободскую церковь. А ты, Алексей Яковлевич, пойди сюда, – поманил он молодого прапорщика, при первом же звуке этого бархатного голоса соскочившего с коня.

– Не узнаешь разве? – и юноша-охотник выставил вперед Андриюшу перед изумленным взором прапорщика.

Тот окинул взором крохотную фигурку и, полный изумления, граничившего почти с испугом, вскрикнул:

– Маленький Долинский! Мой крестник!

– Крестненький! – послышался звонкий ответ, и Андриюша со всех ног кинулся в широко раскрывшиеся ему объятия. Крепко поцеловав своего крестника, Алексей Яковлевич Шубин, исполненный волнения, кинулся было к матери, но чья-то нежная рука легла на его плечо.

– Там все кончено, Алеша, – послышался над ним голос юноши-охотника. – Ей ничем не поможешь уже... Позаботь-

ся теперь о ребенке. Мальчик умен и хорош, как картинка. Я хочу сделать его моим пажем.

– Воля Вашего Высочества для меня священна, – произнес Шубин и, подхватив на руки ребенка, понес его к своему коню.

– Стой! Куда ты меня несешь от матушки и ласкового дяди, крестненький? – тревожно вырвалось из груди Андрюши.

– Не бойся, милый! Твою маму привезут следом за нами.

– А ласковый дядя? Он тоже поедет со мной? Он ведь обещал проводить меня к самой царь-девице... Подожди его!

Голос малютки достиг ушей юноши-охотника. Он оглянулся, быстрыми шагами приблизился к Шубину и, протянув руки к находившемуся в его объятиях Андрюше, произнес чуть слышно:

– Бедный малютка! Клянусь, я заменю тебе отныне тех, кого ты потерял по воле злодеев.

И потом, быстрым движением, с ласковым возгласом dobавил, срывая шапку с головы:

– Андрюша! Милый! Ты не узнаешь меня разве?

От этого движения тяжелая русая с золотым отливом коса скользнула с головы и мягкими волнами заструилась вдоль зеленого кафтана юноши. Синие глаза лучисто засияли навстречу глазам ребенка. Румяные уста улыбались, нежной, кроткой девичьей улыбкой.

Темные глаза Андрюши широко, изумленно раскры-

лись. Несколько секунд растерянно мигали черные ресницы. Вдруг вдохновенная улыбка озарила вспыхнувшее личико ребенка.

– Да, да, я узнаю тебя! Ты царь-девица из маминой сказки! – вскричал он и изо всех сил рванулся навстречу прекрасному видению.

Глава XI

Добрый гений Покровского

Октябрьский день клонился к вечеру. Во многих избах Покровской слободы зажглись лучины, засветились огоньки, прорвавшие темноту ранних осенних сумерек. Круглолицый месяц выплыл из-за темного облака и озарил тихим причудливым светом и тесноватые, крепкие избы, и широкую слободскую улицу, и окруженный тыном цесаревнин дворец.

В 1730 году юная, восемнадцатилетняя дочь Петра I и Екатерины поселилась здесь, в своей родной слободе. И прежде, в царствование малолетнего царя Петра II, своего племянника, она наезжала сюда. Здесь она отдыхала от придворных затей, балов, «машкарадов» да пиров охотничьих, до которых юный царь был большой охотник. А как скончался юный император, и вступила на престол бывшая герцогиня Курляндская, да начались интриги да подкапывания не в меру рьяных слуг новой государыни под нее, цесаревну, Елизавета удалилась в свою подмосковную вотчину, Покровскую слободу, проживая то в ней, то делая из нее наезды в другое свое владение, село Александровское.

Здесь, вдали от шумной придворной жизни, мирно да тихо протекала жизнь цесаревны. Когда императрица, уговоренная Минихом и другими вельможами из сотрудников покойного царя-преобразователя и горячими его сторонника-

ми, согласилась для блага правления переехать всем двором из Москвы в Петербург, одна цесаревна не последовала за шумной свитой государыни. Она осталась в Покровском, зная, что ретивые приспешники уже успели вооружить против нее императрицу своими наговорами и возбудили незаслуженный гнев Анны Иоанновны к ее сопернице по праву на русский престол. Поселившись в Покровском, красавица-цесаревна и не думала, однако, о своем праве быть русской царицей. Она вся ушла в веселые деревенские развлечения. В летнюю пору она собирала крестьянских девушек на широкий слободской луг и водила с ними бесконечные хороводы, запевая своим дивным голосом ею самую сочиненные песни. Зимой же устраивала катания с гор по широкой слободской улице с теми же девушками и парнями, молодыми слобожанами, готовыми в огонь и в воду идти за ласковую царевну. А осенью, в сопровождении своего неизменного гвардейского прапорщика Семеновского полка Алексея Шубина, врача или лейб-хирурга, горячо преданного цесаревне, Армана или Германа Лестока, да любимого стрелянного, Гаврилы Издольского, ездила на охоту, то на псовую, то на соколиную, сообразно своему желанию, но всегда успешную и веселую, как сама царевна. В мужском костюме, смелая, ловкая, подвижная, похожая на красавца-мальчика в своих охотничьих шароварах и кафтане, она бесстрашно носилась по оврагам, по полям и болотам – прекрасная, смелая, молодая...

Но не одним весельям предавалась царевна. Она ходила по крестьянским избам, готовая помочь по первой просьбе, малейшей просьбе своих слобожан. Здесь даст денег на покупку новой коровы вместо павшей Буренки, тут справит приданое неимущей невесте и снарядит ее к венцу, там крестит ребенка у бедного мужика и щедрой рукой оделяет его родителей. А достаточным людям, которым не требуется помощи, так просто улыбнется да скажет ласковое слово. И от этого слова расцветают самые мрачные, самые унылые лица. От этого слова тепло и радостно становится у всех на сердце. Души не чают слобожане в ласковой царевне.

– Красавица, лебедка наша белая! Солнышко красное, – несутся возгласы всюду за нею.

Нет человека, который бы не знал о ней, не любил царевну. Любят ее слобожане, и любит русский народ. Несется о доброте и кротости царевны стоустная молва из слободы в Москву, из Москвы в Петербург. Боготворят ее слобожане-мужики, боготворят и солдатики-гвардейцы. Хоть далеко от них заехала царевна, но знают они, какая она ласковая да обходительная, знают они и то, что дочь она Петра, создавшего молодую русскую гвардию... И тихо, тихо, подобно шелесту ветра, несется чуть внятный, недоумевающий шепот по Руси: «Почему не родная дочь Петра Великого, прирожденная царевна, на престоле? Почему ласковая, кроткая русская красавица не занимает отцова места?»

Глава XII

Цесаревнины грезы

Ночь плывет тихо, крадучись, и окутывает своим темным пологом Покровскую слободу.

Слабые, томные лучи золотого месяца прокрадываются сквозь высокие деревья царевниного дворца, заглядывают сквозь кисейную занавеску в окно горницы и освещают пышную, высоко взбитую постель, богатый киот с серебряными складнями и хрустальную лампаду, тихо мерцающую перед строгими ликами святых угодников...

Цесаревне не спится. Цесаревна лежит, широко разметав свои полные руки и подсунув их под голову. Тяжелая русая коса вьется жгутом, перекинута на грудь. Глаза ее широко раскрыты. В них тоска и печаль: недавняя встреча в лесу взволновала цесаревну. Эта мертвая женщина, убитая горем, этот сирота-ребенок не выходят из головы цесаревны. Женщина схоронена уже, как и подобает ее дворянскому званию, на церковном погосте. Ее ребенок – очаровательное создание – в надежных руках. Сам Алеша Шубин, любимый ездовой царевны, и ее приближенная фрейлина и друг неразлучный, Мавруша Шепелева, взяли его на свое попечение. Но что толку? Кто поручится за то, что новые жертвы Бироновых козней не будут нуждаться в такой же помощи? Русь переживает тяжелые времена. Любимцы прежнего царствования

ния, Долгорукие, в ссылке. Что ждет их – неизвестно. Дело о них еще идет. В тайной канцелярии гибнут лучшие силы государства по одному только наговору усердных клеветников Бирона. А еще так недавно были лучшие времена! Правда, кровь лилась порою и раньше, но то было следствием справедливого гнева. Добрый отец, царь-преобразователь, заботясь о хороших всходах, вырывал плевелы с огромной нивы – России. И при одном воспоминании о том хорошем времени глаза цесаревны принимают снова счастливое выражение, губы улыбаются почти детской радостной улыбкой. И золотые сны кружатся над головкой юной красавицы. Картины прошлого встают перед ней...

Чудный летний день чудится царевне. Солнышко так и палит, так и жжет вовсю. Своим блестящим изумрудным убором сверкает в лучах его красавица-Нева. Словно жемчужными ожерельями заткана ее поверхность по зеленому полю. По Неве плывут ялики. Вот скользит весь в жемчужных брызгах один из них. В нем сидят две девочки и мужчина. На девочках красные шерстяные юбки, простые канифасовые кофточки и круглые шляпки – обычный костюм жен и дочерей саардамских плотников. Но лица у девочек не голландские, иноземные, а чисто русские, сияющие личики. А тот, кто сидит на веслах и быстрыми, мощными взмахами их разрезает блестящую поверхность реки, не простой лодочник. Печать величия лежит на его смелом, умном лице. Печать величия покоится в могучих орлиных взорах. При

виде его колоссальной фигуры люди во встречных лодках поспешно вскакивают, срывают шляпы и отвешивают низкие поклоны. И при этом восторг и раболепный страх появляются на их смущенных лицах. Они трепещут перед могучим гребцом-богатырем, ведущим ялик. Только девчонки-голландочки не боятся его. Старшая из них – черненькая, миловидная, с кротким, немного мечтательным личиком – сидит спокойно на лавочке, чинно подобрав под себя юбку, как взрослая, и сложив на коленях руки. Зато младшей, белокурой, быстроглазой шалунье не сидится на месте. Она то оглянется, окинет быстрым взглядом реку, то устремляет прямо в лицо гребцу смелые и смеющиеся взоры.

«Ишь, как старается батюшка-государь, – думает проказница, – инда в пот ударило. Нешто освежить его маленько!»

И, недолго колеблясь, наклоняется к борту и почерпывает воды в пригоршню.

«Брызнуть или не брызнуть? – проносится вихрем шаловливая мысль в белокурой головке. – Ан, брызну!»

И сверкающие брызги летят в лицо Петру.

«Вот и брызнула!.. Ай да молодец царевна Лизута! – одобряет себя девочка, а у самой поджилки дрожат. – Не разгневается, чего доброго, государь-батюшка, не осерчает ли?»

Но государь-батюшка зажмурился только. Потом глаза его с недоумением скользнули по сторонам и вдруг встретились с широко раскрытым смеющимся взглядом шалуньи.

– Я тебе задам, егоза! Погоди вот, ужотко! – разом поняв

в чем дело, грозит он пальцем, а сам утирается и смеется.

И любо, любо царевне Лизе. Хорошо ей и от ласки родимого батюшки, и от сочувствующей улыбки сестры Аннушки, и от изумрудного блеска красавицы-реки. Век бы кататься так! Хорошо, славно!

* * *

А вот и другая картинка далекого, милого детства. Морозный январский денек выдался на славу. Она, царица Лиза, сидит у окошечка за уроком французского языка у «мамамы». Урок кажется очень скучным. Царевну тянет в дворцовый сад, или, как его называют, «огород». Так государь-батюшка накануне велел устроить гору для потехи дочек. И вот сейчас принесли туда санки. За санками прибежали фрейлины, прибежала царевна Аннушка под надзором своей «мамы» (т. е. няньки), строгой Авдотьи Ильинишны. Кричат, шумят, хохочут. Громче всех раздается веселый голосок младшей фрейлины, одиннадцатилетней Маврушки Шепелевой. Подбежала она к оконцу, у которого сидела царевна Лиза, притиснула к нему свое лукавое, бойкое, курносое личико и кричит:

– Выходи, Ваше Высочество, без тебя скучно, царевна!

– И то выходи, кончай скорее урок, Лиза! – вторит ей голосок сестры, царевны Аннушки.

Хорошо им говорить «кончай да кончай», а каково ей –

Лизе? «Мадама» Латур-Лануа глядит на нее строго-престро-го и водит пальцем по мелко исписанным строкам француз-ских писем. «Нос у Латурши длинный-предлинный, совсем как у фельдмаршала Шереметьева! – неожиданно решает, задумавшись, царевна, – или нет – подлиннее будет». И пошалить-то ей хочется, и на гору пойти к сестрице и фрей-линам до смерти хочется, но французенка не пускает. Хоть плачь... «Же ву при!.. Же ву при!» – только и слышно... «У-у, нос противный!» – царевна Лиза готова расплакаться от злости.

Вдруг широко распахивается тяжелая дверь.

– Что? занимаешься, умница? – слышится знакомый зыч-ный голос, и сам отец-государь входит в комнату.

– А, ну, покажь-ка твое умение, разумница! – говорит он, ласково кивнув в ответ на почтительный реверанс «мадамы» и присаживаясь на табурет рядом с дочкой. В жар бросило Лизу. Крупные капли пота выступили у нее на лбу. С трепе-том берет она страницы французских писем и начинает пе-реводить их трепещущим голосом.

«Ой, совру, ой, перепутаю!» – стучит и мается ее трепет-ное сердчишко.

Но не соврала, не перепутала. Не оскрамилась царевна. Го-сударь доволен. Поцеловал курчавую головку.

– Молодец, Лизутка! Изрядно калякаешь. Быть тебе ко-ролевой французской! – смеется царь.

Но под этим смехом – знает царевна – истина скрывается,

потому что ее родитель хлопочет сосватать дочку за короля французского Людовика XV.

– Молодец, дочка! – еще раз повторяет царь и потом прибавляет, раздумчиво глядя куда-то вдаль своими орлиными очами:

– Счастливы вы, дети, что вас учат с малолетства всяким наукам... Кабы меня так-то выучили в свое время, я на радостях, кажется, не задумываясь, палец дал отрубить на руке своей!..

И тут царь заявляет «мадаме», чтобы отпустила царевну в «огород»... И царевна, сломя голову, бежит к ожидавшим ее фрейлинам...

* * *

Новые сны... Новая картина...

Шумит, кипит веселая «ассамблея», как велел называть царь Петр Алексеевич устраиваемые и им самим, и вельможами вечеринки. Гостеприимные хозяева, князь Александр Данилович и его супруга, княгиня Дарья Михайловна Меншиковы, умеют потешить, позабавить царя и его семейство. Просторны палаты «светлейшего», раскинутые на самом берегу Васильевского острова. Весело илюдно в них, как никогда. Рядом со знатными русскими вельможами здесь и простые мастера-немцы из Немецкой слободы. Любит этих мастеров Петр за усердие в труде и чуть ли не предпочитает их

русским в деле работы.

В одной из обширных горниц играют в шашки и шахматы, в другой – танцуют.

Под чарующие звуки собственного княжеского оркестра в плавном полонезе мерно выступают пары.

Танцует сама царица, танцуют царевны.

Старшая, Анна, высокая, черноокая, тоненькая, четырнадцатилетняя девушка, с мечтательным взглядом, грациозно выступает об руку со своим женихом, гольштинским принцем Карлом. Старательно выделяет «па» эта полудевочка-полудевушка, по всем правилам танцевального искусства, как учил ее и сестру нарочно царем из Италии вытребовавший искусный танцмейстер Антонио Фузано. Не хочется ей выказываться неумелой и неловкой перед лицом жениха. Царевне Лизе не перед кем выказываться, ее время еще не пришло. Дело с французским королем сорвалось, и нету нее жениха покамест.

Но и она пляшет и резвится, как ребенок, вовсю, от души. Так и глядит кругом: как бы набедокурить. Поймала самого светлейшего за рукав, тянет.

– Со мною, Данилыч! Со мною, князь!

– И-и, что ты, царевна! Не мастер я плясать-то. Да и толст, отяжелел. Постойкошь, я тебе другого кавалера достану, молоденького.

– Не хочу я молоденького! Хочу с тобою! – смеется девочка.

– Уволь, царевна!

– А не хочешь, так скажу батюшке, что от дамы отнекиваешься... Он тебя за это попотчует из кубка Большого орла,⁴
– грозитя царевна, а сама заливается, хохочет.

Нечего делать! Пускается старый, толстый Меньшиков в пляс с маленькой царевной.

А царевне того и надо только. Завертела, закрутила старика в сложных фигурах полонеза. Пыхтит, отдувается Данилыч. Пот с него градом льется.

– Смилуйся, пощади, матушка-царевна! – молит князь.

Смилостивилась Лиза. Да и надоел ей порядком ее неуклюжий кавалер. К тому же к ней направляется стройная, удивительно величественная фигура красавца-генерала. Быстрая, живая походка, смелый, соколиный взгляд, румяные щеки позволяют ему казаться много моложе его 40 лет.

– Ваше Высочество, удостойте! – низко склоняется он перед двенадцатилетней царевной в почтительно-рыцарском поклоне.

Царевна вспыхивает от удовольствия.

Еще бы! Как же ей не гордиться своим кавалером! Ведь этот кавалер – это генерал Миних, лучший танцор.

Плавный полонез сменяется степенным менуэтом. Царевна Лиза не любит менуэта. Встанут друг против друга кавалер и

⁴ На Петровских вечеринках, выдуманных самим царем, был установлен штраф за малейшую виновность в смысле нарушения этикета. Провинившегося заставляли в наказание выпить огромный бокал вина, носивший название «кубка Большого орла». Сам царь следил за исполнением приговора.

леры и дамы и ну кланяться. Что тут веселого? То ли дело английская кадриль! Ноги сами так и просятся в пляс! Но вот музыка заиграла кадриль. Наконец! Слава Богу!

Пляшет, резвится царевна. Глаза блестят, щеки пышут. Чудные звуки заморских скрипок так и вливаются в душу. Век бы так плясать да резвиться на Меньшиковской ассамблее...

Новая пора – новые думы...

Чудный весенний вечер. Голубоватый дымок скользит над Петровым городом. Город растет и строится не по дням, а по часам, а его великий основатель лежит в могиле... Горько плакала по отцу царевна Лиза. До тех пор плакала, пока не явился к ней утешитель. Недавно лишь приехал из Гольштинии «некто», и с тех пор точно переродилась семнадцатилетняя красавица-царевна. Что-то неведомое толкнулось ей в сердце. Какое-то незнакомое доселе чувство всплыло из глубины души...

Чудный майский вечер повис над столицей. Хорошо стало весною в зеленом «огороде», разросшемся вокруг летнего дворца. Липы цветут и сладким ароматом наполняют воздух. Царевна Елизавета сидит на скамейке. Рядом с ней «некто». Этот «некто» – двоюродный брат принца Гольштинского, жениха сестры Анны, принц Карл-Август Любский.

Липы тихо шелестят молоденькой, свежей листвою... Легкий ветерок пугливо прячется в их пахучих ветвях... И вот, откуда ни возмись, дрогнула, зазвенела сладкая соловьиная

песня. Длинными тоскующими переливами несется она над опущенной головкой царевны, то нежно, как будто жалуясь на что-то, то беспечно и звонко смеясь.

Заслушалась песни воспитательница царевны, Лискена Ивановна. Наваяла и на почтенную воспитательницу сладкие грезы эта песня, и точно забыла Лискена Ивановна про царевну Лизу, которая сидит рядом, на скамейке, одна со своим женихом.

Хорош, молод, пригож ласковый принц. – Милая! – шепчет он чуть слышно нежным, как звуки невидимой музыки, голосом. – Милая, скоро, скоро наша свадьба... Скоро увезу я в далекий Любекский замок прекрасную юную принцессу, одарившую меня сказочным счастьем...

И тоскливо, и сладко на душе царевны Лизы от этого нежного, мягкого голоса. Люб ей пригожий принц, но любя и Россия. Жаль расстаться ей с дорогой родиной, с любимой матушкой, с близкими сердцу русскими людьми... И рвется, мечется юное сердечко... Любит она своего жениха, но матушку-Россию еще пуще того, кажется, любит... Как же быть?... Думает, думает цесаревна и долго решить не может... А песнь соловушки звенит таинственной, певучею сказкою, точно подсказывая царевне решение...

Но увы! – не суждено сбыться счастью цесаревны... Все прошло, все минуло, кануло в вечность. Золотые сны исчезли, как грезы; Скрылось светлое невозвратное времечко. Страшный мрак воцарил кругом. Умер прекрасный, нежный

юноша, принц Любский, умерла матушка-царица. Уехала в Киль сестра Аннушка, и через год пришло известие оттуда, что скончалась бедная гольштинская принцесса, одарив сыном молодого супруга своего.

Горючими слезами обливалась цесаревна, потеряв почти одновременно троих близких людей. Но при дворе нельзя долго плакать. Там не любят убитых, тоскливых лиц. А юный царь Петр II особенно не любит. Веселье и потехи – вот его жизнь.

Кишит масками веселая «машкерада». Все, что есть лучшего среди вельмож, их жен и детей, собралось в Петергофском дворце. Празднует юный Петр свое избавление от тяжелой опеки Меньшикова, а заодно и от нелюбимой невесты, дочери всесильного до тех пор Данилыча. Веселится царь. На нем костюм какого-то олимпийского бога, и сам он хорош и светел, как юный греческий бог. Гремит музыка, журчат фонтаны, вьются пары в веселой кадрили. Поневоле веселый поток уносит за собой сироту-цесаревну. А тут еще сам император-юноша заботится о том, чтобы сошло печальное раздумье с лица его хорошенькой тетки. Не отходит от нее.

– Ах, Лиза, Лиза! – слышится царевне ласковый шепот венценосного кавалера. – Что бы я ни дал, Лиза, чтобы ты улыбалась снова весело и беспечно! Велика твоя потеря, но я всеми силами постараюсь успокоить тебя. Хочешь, не отойду от тебя ни на шаг, окружу тебя почестями, блеском, сделаю тебя царицей, женою своею? Хочешь, Лиза?

– Нельзя этого, Петруша, нельзя! Родня мы! Да и молод ты слишком. Я старше тебя, Петруша, – отвечает, покачивая головою, Елизавета.

– Вздор! – так и вспыхивает юный Петр. – Пустяки ты говоришь, Лиза. Вот и Остерман, Андрей Иванович, говорит, что можно это. А он умный, Лизанька, умнее всех в мире. Ах, Лиза, Лиза, согласишься на мою просьбу, милая моя!

– Не могу! Не проси, Петруша! Молчи! Молчи! – молит царевна.

– Ага, знаю, отчего не можешь... Ты своего мертвого принца все помнишь! Или о Морице Саксонском, новом искателе, мечтаешь? Люб он тебе, да? – подозрительно выпрашивает молодую тетку юноша-племянник.

– Никто мне не люб, Петруша, – ни Мориц, ни другой кто. А принц Карл умер, – грешно тосковать по нем. Нет у меня любви ни к кому... Не томи ты меня зря допросами, Петруша!

– Ну, ладно, будь по-твоему. Не любишь меня, Бог с тобою. Возьму себе другую жену. Цари должны выбирать себе невест не по сердцу, а как для государства удобнее... Только смотри, чтобы худо от того не было. Привезут сюда какую-нибудь захудалую немецкую принцессу и сделают из нее царицу... Тебе же хуже будет потом: придется целовать ручки новой государыне, которая тебе по высоте рода в служанки годится. Увидишь тогда, худо будет! – желчно смеется Петруша.

Но не немецкая принцесса, а княжна Екатерина Долго-рукая навязана усердными вельможами-родичами в невесты царю.

Царь был прав. «Худо» случилось, но по другой совсем причине. Схватил оспу юный император, и не пришлось цесаревне Елизавете целовать ручек его жене, государыне. Пришлось другую руку целовать ей, руку курляндской герцогини...

То светлые, то мрачные картины встают, всплывают из полумрака царевниной горницы... Целая вереница их вьется в Усталых мыслях цесаревны. Притомились эти мысли... Мешается быль с действительностью, правда со сказкой, и незаметно сон подкрадывается и смыкает усталые очи... Но и во сне не отстают от цесаревны далекие, милые призраки прошлого...

То счастливая улыбка, то облако грусти сменяются на прелестном сонном лице. А ночь тянется, тянется, бесконечно, октябрьская, темная ночь...

Глава XIII

Посланец. Веселая затея.

Царевна-крестьянка. Ссора

– Проснись, вставай, Ваше Высочество! Курьер прискакал из Санкт-Петербурга, от самой, говорит, Юшковой... – сквозь сон звучит над ухом цесаревны знакомый голос.

Мавра Егоровна Шепелева, молодая, немногим старше своей госпожи, приближенная фрейлина цесаревны, наклоняется заботливо над спящей золотистой головкой.

– Проснись, цесаревна! – легонько тронув за плечо Елизавету, говорит она.

Ей бесконечно жаль прерывать сон красавицы. Сладко под утро спится цесаревне. Счастливая улыбка бродит по ее лицу. Верно, хорошие сны ей снятся. А будить надо. Курьер из дворца – дело не шуточное. Может, важное что им сообщает.

– Проснись! Проснись, Ваше Высочество! – снова теребит свою заспавшуюся госпожу верная Мавра.

– А? А? Что такое? Курьер, говоришь? Господи! Еще что занудилось там? – с тревогой произнесла, разом приходя в себя, цесаревна, и сон, как по волшебству, соскочил с нее. – Одеваться, Мавруша, одеваться скорее! – вскричала она, быстро вспрыгивая из постели.

Ночных грез как не бывало. И сладкие, и мрачные воспоминания – все исчезло при утреннем блеске осеннего солнца. Жмурясь от его назойливых лучей, стала торопливо, при помощи Мавруши и кликнутых ею девушек-камеристок, одеваться цесаревна.

– День-то, день какой, словно тебе лето, – поглядывая в окна, весело говорила Шепелева. – В такой-то день не грешно и лето вспомнить. Созвать разве девок, да хороводы поводить напоследок перед зимним затишьем, а? Ты какую резолюцию на этот счет. Ваше Высочество, положишь? – лукаво сощулив свои бойкие, живые глазки, прибавляет она.

– И то дело! Погуляем на славу, – говорит, разом развеселившись, цесаревна. – Зови Чегаеву Марфуньку и других... Ах, а курьер-то! – вдруг неожиданно осеклась она, и оживленное за минуту до того личико приняло озабоченное выражение раздумья.

– Ну, что курьер! Курьер не зверь, носа не откусит, – грубовато отрезала Мавруша, всегда державшая себя попросту, без затей, с царевной. – Примешь курьера, а сама айда на луг...

– А то... знаешь что? – вдруг громко и весело расхохоталась Елизавета. – Я не выйду сейчас к курьеру.

Тут она живо притянула к себе голову своей любимицы и зашептала ей что-то на ухо, так, чтобы не могли услышать ее девушки-камеристки.

Верно, веселое что-нибудь сообщила своей любимице

Елизавета, потому что та так и прыснула со смеху, так и покатилась, ухватившись за бока.

— Ай да ловко придумала, ай да царевна моя золотая! Вот-то разодолжила, Ваше Высочество! — хлопая в ладоши, радовалась Шепелева. И потом, обратясь к окружавшим Елизавету девушкам-камеристкам, спешно проговорила, все еще продолжая смеяться: — Бегите-ка, девоньки, к Марфутке Чегаете, велите ей всех наших первых дишкантов созвать на луг. Скажите, цесаревна, глядя на солнышко, погулять напоследок в хороводе хочет. Гость, слышь, у нас из Петербурга... Так чтобы не осрамились, глядели бы певуны наши... Да скорее вы лупите, стрекозы, слышь!

— Ладно, Мавра Егоровна, не сомневайся, живой рукой дело обделаем, — предвкушая новую затею веселой, изобретательной на шуточки царевны, радостно отозвались камеристки и кинулись бегом исполнять приказание старшей фрейлины.

Через полчаса на большом пожелтевшем лугу, раскинувшись на конце слободы, за дворцом царевны, собралась веселая, пестрая толпа слободских девушек, наряженных в лучшие пестрые сарафаны и шугаи, с яркими лентами, вплетенными в Косы, с разрумяненными на осеннем, утреннем холодке лицами. Среди них особенно выделялись две. Одна — статная, полная и высокая красавица, с золотистой косяю ниже пояса, с синими, ясными глазами, она всех затмевала своей красотой; другая немногим уступавшая ей красавица, черноглазая, черноволосая, с румяным личиком и жи-

вым, смеющимся взглядом. Черноглазая бегала среди девушек, устанавливая их в хороводе голос к голосу, как опытный капельмейстер. Это была Марфа Чегаева, первая запевала Покровской слободы, обласканная и задаренная царевной, ее любимица.

Девушки с веселым смехом теснились вокруг белокурой красавицы и черненькой Марфы, с шутками, хохотом, с визгом.

Вдруг все затихло, как по мановению волшебной палочки. Только чуть слышный шепот пронесся по кругу.

– Идут! Идут! – зашептали девушки.

У крыльца дворца, выходявшего на луг, появилась полная и рослая Мавруша Шепелева, а рядом с нею худой и тощий человек в сером дорожном камзоле, со шпагой и в треуголке, из-под которой висели рыжеватые волосы и зорко глядели маленькие рысьи глазки. Длинный, плачевного вида нос уныло глядел с худого, серого лица немецкого типа. Ноги были так тощи, что казались ходулями. Он препотешно передвигал их, откидывая как-то вбок при каждом шаге. Девушки не могли без смеха смотреть на эту тощую, как привидение, унылую фигуру. Лишь только появился он, хор девушек грянул:

Во селе, селе Покровском,
Среди улицы большой,
Расскакались, расплясались
Красны девки меж собой...

И на мгновенье разомкнувшийся хоровод принял в свой круг оторопелого немца и снова сомкнулся.

На лице курьера выразилось живейшее удовольствие. Он был очень польщен, очевидно, устроенной в честь его торжественной встречей и, замахав в воздухе треуголкой, низко поклонная девушкам. Те фыркнули себе под нос, не прерывая песню, которая так и звенела, так и лилась звучной волной в студеном воздухе ясного осеннего дня.

Особенно выделялись в хороводе серебристые голоса двух девушек: Марфуши Чегаехи и ее белокурой подруги. Разрумянившиеся от старания показать свое искусство девушки одна за другой, схватившись за руки, длинной чередой мелькали перед совершенно растерянным, но все еще не переставшим им любезно кланяться курьером. Но мало-помалу лица девушек смешались у него на глазах; от их пестрых, ярких костюмов зарябило в глазах у бедного немца, и звон пошел в голове от голосистого пения, лившегося прямо в уши.

Немец-курьер беспокойно завертелся на месте, бросая растерянные взгляды на Мавру Егоровну, стоявшую рядом с ним.

— Что, немчура, — произнесла она довольно громко, снабжая слова свои насмешливой улыбкой, — не любишь российской песни, небось! А и плох же ты есть немец, как я погляжу, мой батюшка!

– Oh,ja,oh,ja, gnaediges Fraulein!⁵ – закивал и заулыбался курьер, поняв, очевидно, что-то очень лестное для себя в словах пригожей Шепелевой.

– То-то! Заякал, курляндская образина! Небось оттелева приехал отъедаться на русских хлебах. Это вы умеете! А чтобы по-нашему говорить, так нет. Якает себе и горя ему мало. У-у! Ненасытная твоя рожа. Не люблю я вас! Да не понимаю, убей меня Бог, хоть я прожила с покойной принцессушкой Анной более года в вашем Киле...

– Киль – это Гольштинь, а наш Митава... – вдруг разом понял курьер и закивал головою.

– Ладно. Из одного теста будете. Что курляндцы, что гольштинцы. Глаза-то у всех завидующие. Россию объедать и те и другие рады. А только не в пользу, батюшка. Ишь, ты дохлый какой, ровно месяц не жравши гулял.

– Дохтор ни-ни... я не дохтор... Не Arzt,⁶ а курьер. Mit einem Brief an Ihre Hoheit Prinzessin Elisabeth.⁷

– Ладно, не каркай... поняла... Знаю, что курьер, а не доктор... Дохлый, говорю... – закричала Мавра во все горло. И потом, хитро улыбнувшись, присовокупила: – Да ты знаешь ли, курляндская образина, которая из них принцесса-то? – и кивнула в сторону девушек. – Небось, к нам, в Россию валом валите, а в лицо прирожденной царевны русской не знаете. А

⁵ О да, о да, милостивая государыня (нем.).

⁶ Врач (нем.).

⁷ С письмом к Ее Высочеству принцессе Елизавете (нем.).

ну-ка, мусье-немец, извини, по батюшке тебя как величать, не знаю, которая же будет из них Ее Высочество, угадай-ка и вручи ей грамоту, цесаревне нашей.

И тотчас же перевела эти слова на ломаный немецкий язык как умела.

Курьер понял, заулыбался и закивал головою и своим длинным, унылым носом.

– Gut! Gut!⁸ – произнес он с широкой улыбкой и обвел круг глазами.

Перед ним, одна подле другой, стояло около двух десятков крестьянских девушек более или менее одинаково одетых в пестрые, нарядные сарафаны. Между ними скрывалась принцесса. Курляндец внимательно окинул круг глазами. И вдруг ободрился, ожил. Одна из девушек показалась ему величавее других. Она вела весь хор, запевая песню, и все остальные беспрекословно повиновались черноглазому регенту.

⁸ Хорошо! Хорошо! (нем.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.